
NATIONAL LIBRARY OF MEDICINE
NLM 00559278 6

Проф. П. И. Ковалевскій.

НЕРВНЫЯ БОЛѢЗНИ

НАШЕГО ОБЩЕСТВА.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25.
1894.

Въ редакціи „Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи“,

Ново-Чернышевская, № 1-й,

МОЖНО ИМѢТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Проф. П. И. Ковалевскій, *Нервныя бобьзни нашего общества.* 1894. Ц. 50 к.

Кисловодскъ. Въ изящномъ переплетѣ, съ 18 рисунками. 1894. Ц. 1 р.

Пуэрперальные психозы. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Психіатрическіе эскизы изъ исторіи, 1892. Ц. 1 р.

Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе. Изд. 3-е, 1894 г. Ц. 1 р.

Сумашествіе (Amentia—Meynert'a) Ц. 1 руб.

Сифилисъ мозга и его леченіе. 2-е изданіе, 1894 г. Ц. 2 р.

Компендіумъ нервныхъ и душевныхъ больэней, 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Леченіе душевныхъ и нервныхъ больныхъ, Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Хорея и хореическое сумашествіе, 1890. Ц. 50 к.

Пьянство, его причины и леченіе. Изд. 2. Ц. 50 к.

Основы механизма душевной дѣят. Изд. 2-е исправл. и дополн. Ц. 1 р.

Положеніе душевно-больныхъ въ Россійской Имперіи Ц. 50 к.

Психіатрія, 2 т. I т.—общая психопатологія, II-й т. — спеціальная психіатрія. Изд. 4-е. Ц. 4 р.

Судебно-психіатрическіе анализы (для медиковъ и юристовъ) 2 т., изд. 2-е. Ц. 4 р. 50 к.

НЕРВНОСТЬ.

Проф. П. И. Ковалевскій.

НЕРВНЫЯ БОЛѢЗНИ

НАШЕГО ОБЩЕСТВА.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25.
1894.

Печатать разрѣшается по опредѣленію Медицинскаго Факультета Императорскаго Харьковск. университета.

Деканъ *Ковалевскій.*

25 апрѣля 1894 г.

Настоящій очеркъ я рѣшилъ посвятить общедоступному изложенію нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзней, наиболѣе распространенныхъ въ нашемъ обществѣ и въ происхожденіи и возникновеніи которыхъ, до нѣкоторой степени, повинно само общество.

Въ самомъ дѣлѣ. Однѣ болѣзни стоятъ внѣ всякаго вліянія людскаго, другія отъ людей. Что мы можемъ сдѣлать, въ виду грядущей холеры? Достойно встрѣтить ее, но не отвратить. Если она должна быть, то ужъ будетъ несомнѣнно. Будетъ она въ большемъ числѣ, будетъ въ меньшемъ числѣ—это другое дѣло; но мы не можемъ воспретить ей явиться. Мы не можемъ приказать ей не быть. Это стихійное начало и мы ему подневольны.

Но существуютъ и другія болѣзни, которыя почти всецѣло зависятъ отъ насъ и мы можемъ ими заболѣть и

не заболѣть. Мы можемъ приказать этой болѣзни быть, или не быть. Такая болѣзнь есть напр. сифилисъ, о которой мы будемъ говорить ниже. Въ огромномъ числѣ случаевъ она получается sua sponte. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ никто не виновенъ въ томъ, какъ тотъ, кто получаетъ ее. А между тѣмъ онъ часто вноситъ въ себя пожизненную погибель. Онъ несетъ разрушеніе и заразу близкимъ людямъ. Онъ вноситъ погибель потомству и вырожденіе обществу. А вы думаете—сифилизованныхъ людей въ обществѣ мало? О, нѣтъ, очень и очень много. И притомъ людей почтенныхъ, достойныхъ уваженія и вполнѣ аристократовъ ума и общества.

Почему-же эти люди ума, нравственной мощи и семейнаго начала столь близоруки, что допускаютъ такое ужасное преступленіе противъ себя, противъ семьи, противъ общества и противъ всего человѣчества? По невѣдѣнію, по заблужденію, по ложному стыду, по незнанію.

Долгъ врача—раскрыть глаза обществу. Долгъ врача—снять маску ложнаго стыда. Долгъ врача—выяс-

нить всю пагубу отъ этого молчанія. Дальнѣйшее замалчиваніе со стороны врачей будетъ равняться преступленію.

О такихъ-то болѣзняхъ, кои своимъ происхожденіемъ обязаны самому обществу и его неправильной жизни, я намѣренъ поговорить въ настоящій разъ. Разумѣется, болѣзни я выбираю самыя близкія моей спеціальности, болѣзни, которыя я и самъ изучилъ и многотысячно наблюдалъ въ обществѣ. Я имѣю въ виду нервныя болѣзни и изъ нихъ именно тѣ, которыя по имени давно извѣстны вамъ, читательница и читатель. Я хочу поговорить о нейрастеніи, истеріи, эпилепсіи и хореѣ или пляскѣ св. Вита.

Въ своемъ изложеніи я остановлюсь на трехъ главныхъ пунктахъ: ихъ причинахъ, ихъ клинической картинѣ и ихъ леченіи.

Я предвижу возгласы: о, Боже, это опять пойдетъ канитель о судорогахъ, гиперестезіяхъ, припаркахъ и т. п. Нѣтъ и нѣтъ. Не бойтесь этихъ страшныхъ словъ. Ни о припаркахъ, ни о горчишникахъ не будетъ ни одного слова.

*

Чтобы приступить къ дѣлу, я считаю необходимымъ объясниться— о чемъ я имѣю въ виду говорить.

1. Я полагаю, что часть нервныхъ болѣзней, такъ въ настоящее время сильно распространенныхъ въ обществѣ, обязана своимъ происхожденіемъ неблагопріятнымъ жизненнымъ условіямъ самого-же общества. Ихъ причина лежитъ въ самомъ обществѣ. А такъ какъ ни одно явленіе не можетъ быть устранено до тѣхъ поръ, пока не устранены будутъ производящія его причины, то, естественно, на мнѣ лежитъ обязанность указать на тѣ неестественныя условія и проявленія жизни нашего общества, которыя служатъ причинами появленія и развитія въ данномъ обществѣ нейрастеніи, истеріи, эпилепсіи и хореи или пляски св. Вита. Я не буду упоминать о причинахъ спеціальныхъ, чисто, такъ сказать, медицинскихъ причинахъ, и остановлюсь только на причинахъ соціальныхъ на столько, на сколько эти болѣзни—болѣзни соціальныя.

2. Во многихъ случаяхъ и больные и ихъ близкіе, по невѣдѣнію, очень долго не замѣчаютъ проявленій бо-

лѣзни и не считаютъ таковыхъ проявленій за болѣзнь, хотя это уже будетъ давно болѣзнь. А мы знаемъ, что всякая болѣзнь тѣмъ скорѣе излечима, чѣмъ она раньше захвачена. Для того-же, чтобы ее захватить, нужно быть болѣе или менѣе знакомымъ съ ея проявленіемъ. Вотъ почему я считаю необходимымъ нарисовать картины вышеназванныхъ болѣзней, дабы и непосвященнымъ въ тайны медицины людямъ эти болѣзни были ясны и легко узнаваемы.

3. Наконецъ, я преслѣдую еще одну цѣль. Я имѣю въ виду самопомощь общества по отношенію къ болѣзнямъ, въ появленіи которыхъ оно само виновно. Если общество согласится въ томъ, что данныя неблагопріятныя условія его жизни дѣйствительно могутъ служить причиною нижеслѣдующихъ болѣзней, если данное общество согласится, что описанныя картины болѣзни дѣятельно появляются между его членами, то естественное слѣдствіе изъ всего этого должно быть то, что само общество должно воздвигнуть гоненіе на тѣ неблагопріятныя жизненныя условія, которыя ведутъ къ

его вырожденію. Этотъ послѣдній актъ и будетъ составлять коренное леченіе вышеуказанныхъ нервныхъ болѣзней.

Такимѣ образомъ я преслѣдую въ данномъ очеркѣ изложеніе причинъ данныхъ нервныхъ заболѣваній, лежащихъ въ ненормальной жизни общества, проявленія этихъ болѣзней въ обществѣ и леченія ихъ самимъ-же обществомъ собственными средствами, безъ пособія врачей и аптеки. Имѣется въ виду соціальная этіологія нервныхъ болѣзней, соціальная симптоматологія и соціальная терапія.

Задача не легкая. Но такъ какъ это не ученый трактатъ, то я разсчитываю на снисхожденіе къ моимъ очеркамъ, написаннымъ въ минуты отдохновенія.

I. Причины современныхъ нервныхъ заболѣваній.

Три фактора вліяютъ на образованіе физической и психической организаціи человѣка: наслѣдственность, воспитаніе и условія жизни даннаго человѣка. Благополучно проходитъ человѣкъ эти жизненные пороги—благополучно и его существованіе; встрѣчаются тернія и волчцы — и существованіе человѣка нарушается. Въ послѣднемъ случаѣ являются въ жизненныхъ отправленіяхъ отклоненія, нарушенія и болѣзни. И чѣмъ больше являются ненормальности въ жизненныхъ условіяхъ человѣка, тѣмъ больше шансовъ на появленіе ненормальностей и болѣзненныхъ проявленій въ отправленіяхъ его организма.

Намъ нѣтъ никакой надобности касаться всѣхъ болѣзнетворныхъ причинныхъ моментовъ. Мы остано-

вимся только на тѣхъ, которыя производятъ нервныя заболѣванія, и то не всѣ нервныя заболѣванія, а только тѣ, которыя наичаще проявляются въ современномъ обществѣ и обязаны своимъ происхожденіемъ именно ненормальностямъ существованія современнаго общества.

Начнемъ съ наслѣдственности.

Наслѣдственность. Каждый человѣкъ своимъ происхожденіемъ на свѣтъ, своимъ бытіемъ, обязанъ двумъ микроскопическимъ элементамъ: сперматозоа отца и яичку матери. Встрѣчѣ этихъ двухъ элементовъ и оплодотворенію послѣдняго первымъ каждый изъ насъ обязанъ своимъ существованіемъ. Съ появленіемъ на свѣтъ, съ зачатіемъ новой жизни, происходитъ разрушеніе двухъ первыхъ организмовъ (сперматозоа и яичка); такимъ образомъ на развалинахъ и обломкахъ стараго появляется новая жизнь и новый организмъ. Какимъ образомъ изъ этихъ простѣйшихъ организацій порождается столь сложная и могущественнѣйшая, какъ человѣческій организмъ—остается для насъ тайною. Какимъ образомъ изъ столь про-

стыхъ организацій микроскопической величины развиваются отдѣльные органы и ткани организма и притомъ непремѣнно по извѣстному типу— тайна сія велика есть.

Но еще болѣе страннымъ и непостижимымъ является то, что вновь нарождающійся организмъ, какъ по своимъ физическимъ, такъ и по душевнымъ качествамъ, бываетъ похожъ и на отца и на мать. Выходитъ, какъ будто сперматозоа является фотографически—микроскопическимъ снимкомъ отца, а яичко— таковымъ-же снимкомъ всѣхъ физическихъ и психическихъ свойствъ матери; вновь-же нарождающійся организмъ забираетъ часть свойствъ отца и часть свойствъ матери, являясь подобнымъ и тому и другому. Это ужъ тайна апокалиптическая, семью печатями запечатанная. Для насъ остается фактъ фактомъ, фактъ ежедневно у насъ на глазахъ совершающійся и всѣмъ и каждому извѣстный. Эта способность новаго порожденнаго организма воспроизводить въ себѣ свойства отца и матери, походить и на отца и на мать, носитъ названіе *наслѣдственности*.

Мы говоримъ, что свои качества новый организмъ унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей.

Очень часто приходится слышать, что тотъ или другой членъ семейства—«вылитый отецъ», или «вылитая мать»,—т. е. говорятъ, что этотъ членъ семейства унаслѣдовалъ исключительно свойства отца, или исключительно свойства матери. Это однако въ огромномъ большинствѣ случаевъ оказывается неправильнымъ. Такъ, нерѣдко приходится наблюдать, что одни лица находятъ, что данный членъ семейства «вылитый отецъ», тогда какъ другія лица принимаютъ его «вылитою матерью». Несомнѣнно то, что въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ унаслѣдуются и свойства отца и свойства матери, причемъ вѣрно однако и то, что въ одномъ случаѣ унаслѣдуются преимущественно особенности организаціи и характера отца, а въ другихъ случаяхъ—матери.

Чѣмъ обусловливается это предпочтеніе унаслѣдованія въ томъ или другомъ случаѣ—опять-таки остается для насъ тайною. Наблюденія показали, что черты и особенности

родителей, болѣе рѣзко выраженныя и существующія въ данныхъ семействахъ, большее число поколѣній воспроизводятся въ слѣдующихъ поколѣніяхъ болѣе часто и болѣе выразительно, чѣмъ черты и особенности мелкія и недавно усвоенныя. Далѣе, не подлежитъ никакому сомнѣнію и тотъ фактъ, что черты организаціи и особенности характера общія обоимъ родителямъ въ потомствѣ воспроизводятся почти обязательно, тогда какъ качества родителей противоположныя воспроизводятся въ дѣтяхъ въ несравненно слабѣйшей степени. Можно сказать, что сходныя черты физической и психической организаціи родителей въ ихъ потомствѣ суммируются,— тогда какъ различныя качества въ дѣтяхъ проявляются какъ бы въ формѣ и напряженностн разницы качествъ родителей.

Эти послѣднія условія весьма важны для насъ въ смыслѣ пониманія унаслѣдованія болѣзненныхъ проявленій въ области нервной и душевной дѣятельности. Потомками унаслѣдуются отъ родителей и предковъ не одни тольно нормальныя особен-

ности и качества, но и болѣзни. Вотъ почему, въ силу вышесказаннаго, выходитъ, что если изъ родителей только одинъ былъ душевно и нервнобольной, то дѣти несравненно меньше рискуютъ получить отъ него нервную или душевную болѣзнь, ибо здоровыя качества другого родителя представятъ въ этомъ случаѣ большой противовѣсъ; вовсе иное бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оба родителя душевно или нервно больны, — въ послѣднемъ случаѣ дѣти находятся подъ несравненно большимъ опасеніемъ унаслѣдовать отъ родителей болѣзненную нервную организацію.

Итакъ наслѣдственность въ дѣлѣ развитія въ обществѣ душевныхъ и нервныхъ болѣзней имѣетъ то серьезное значеніе, что она обязательно, въ силу закона воспроизведенія себѣ подобнаго потомства, въ послѣдующихъ поколѣніяхъ даетъ нервныя и душевныя заболѣванія. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, фактъ, совершающійся у насъ на глазахъ и извѣстный уже тысячелѣтія. А если это такъ, если дѣйствительно законъ наслѣдственности способствуетъ передачѣ нервныхъ заболѣваній изъ

поколѣнія въ поколѣніе, то почему же этотъ законъ наслѣдственности представляетъ для насъ значеніе нынѣ, въ вопросѣ о нервныхъ болѣзняхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ современнымъ жизненнымъ условіямъ? Чтобы быть понятымъ—сдѣлаемъ маленькое отступленіе.

Вы слышали, разумѣется, много страшныхъ словъ изъ области медицины. Слышали: психопатію, нейрастенію, истерію, эпилепсію, меланхолію, манію и т. д. и т. д. Въ силу вышесказаннаго у васъ составляется такое представленіе: если въ данномъ семействѣ отецъ и мать эпилептики, то дѣти будутъ обязательно эпилептики; а если отецъ эпилептикъ, а мать—нѣтъ,—то дѣти могутъ быть, могутъ и не быть эпилептиками, смотря по тому—чья возьметъ и чьи способности и качества одержатъ верхъ въ дѣтяхъ. Представьте себѣ, что вы на этотъ разъ неправы. Можетъ случиться, что и отецъ эпилептикъ и мать эпилептичка, а дѣти все-таки не будутъ эпилептиками,—и даже навѣрное это такъ будетъ, ибо эпилепсія почти никогда не родитъ эпилепсіи. Дѣти такихъ роди-

телей могутъ быть помѣшанными, идіотами, преступниками и т. п., но они никогда не будутъ эпилептиками. И вотъ почему.

Что передается отъ родитедей къ дѣтямъ: готовая уже болѣзнь? Никоимъ образомъ. Передается отъ родителей къ дѣтямъ не болѣзнь, а только лишь ненормальная, неустойчивая центральная нервная система, изъ которой можетъ развиться любая нервная болѣзнь въ зависимости отъ того, какія будутъ другія побочныя воздѣйствія. При благопріятныхъ условіяхъ унаслѣдованная ненормальная нервная система можетъ просуществовать и всю жизнь, не давъ никакого болѣзненнаго плода,—при менѣе же благопріятныхъ условіяхъ жизни неустойчивая нервная система дастъ болѣзненный плодъ, но форма развитія его будетъ стоять въ зависимости отъ тѣхъ жизненныхъ условій, которыя организму придется переживать въ будущемъ.

Въ другомъ мѣстѣ мною подробно изложены и способы унаслѣдованія и характеръ его видоизмѣненій, почему здѣсь я ограничиваюсь обра-

щеніемъ къ читателю выраженія мнѣ довѣрія въ этомъ отношеніи.

При всякой душевной, или нервной болѣзни цетральная нервная система даннаго лица находится въ ненормальномъ состояніи: въ однихъ случаяхъ бываетъ недостатокъ питанія ея, въ другихъ случаяхъ, напротивъ, болѣзненно избыточный притокъ питательнаго матеріала, еще въ иныхъ случаяхъ измѣненія химическаго состава, или моллекулярнаго расположенія составныхъ частей нервныхъ элементовъ, еще въ иныхъ случаяхъ пораженіе мозговыхъ сосудовъ и т. д.,—но важно то, что во всѣхъ случаяхъ нервныхъ заболѣваній элементы центральной нервной системы подвергаются измѣненіямъ въ ихъ химическомъ составѣ, или моллекулярномъ строеніи. Таковая ненормальность въ огромнѣйшемъ большинствѣ заболѣваній поражаетъ не всю нервную систему въ полномъ ея составѣ, а только отдѣльные ея участки, отъ чего зависитъ и разновидность нервныхъ и душевныхъ заболѣваній [1]). Въ однихъ случаяхъ

[1]) *П. И. Ковалевскій*, Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе. 1893.

поражается преимущественно корковое вещество мозга и получается одна форма болѣзни, — въ другихъ случаяхъ поражается продолговатый мозгъ и тогда получается иная форма болѣзни,—еще въ иныхъ случаяхъ поражается мозжечокъ и получается третья форма болѣзни и т. д. Кромѣ расположенія мѣста пораженія и характера самого заболѣванія, разнообразіе нервныхъ болѣзней много зависитъ еще отъ степени пораженія и характера тѣхъ или другихъ разстройствъ.

Во всякомъ случаѣ, гдѣ бы мѣсто пораженія центральной нервной системы не находилось и отъ чего бы оно не зависѣло, это болѣзненное пораженіе не ограничивается только мѣстомъ своего пребыванія, а въ большей или меньшей степени отражается и на сосѣднихъ частяхъ, а въ болѣе слабой степени и на всемъ мозгу. Поэтому и нарушеніе отправленій въ центральной нервной системѣ при той или другой нервной болѣзни не ограничивается только лишь выпаденіемъ или измѣненіемъ отправленій даннаго поражаемаго мѣста, а сопровождается и нѣкоторыми, хотя

небольшими, измѣненіями въ отправленіяхъ сосѣднихъ частей, и большими или меньшими измѣненіями въ экономіи отправленій всей центральной нервной системы. Такимъ образомъ всякая нервная болѣзнь, являясь въ огромнѣйшемъ большинствѣ мѣстною, почти всегда отражается и на отправленіяхъ всей нервной системы и сопровождается уклоненіями въ ея отправленіяхъ, а, слѣдовательно, является болѣе или менѣе общею.

При передачѣ родителями дѣтямъ въ наслѣдство своей организаціи, обыкновенно получается послѣдними не детальная неравномѣрность центральной нервной системы (не кровоизліяніе въ мозгу, какъ было у родителя, не опухоль мозговая и т. д.),— а большая или меньшая неустойчивость въ строеніи и отправленіи центральной нервной системы. Нервная система дѣтей будетъ унаслѣдовать не фокусное пораженіе, а общее недостаточное устройство и потому болѣе быструю склонность къ заболѣваемости и ранимости, при столь ничтожныхъ воздѣйствіяхъ со стороны окружающей природы, при которыхъ обычная нервная система

сохранилась бы цѣлою и невредимою. Въ своихъ обычныхъ отправленіяхъ такая нервная система будетъ реагировать гораздо быстрѣе на всякія внѣшнія возбужденія, будетъ значительно возбудимѣй противъ нормы,— а вмѣстѣ съ тѣмъ она будетъ несравненно менѣе устойчивой противъ нормы, значительно быстрѣе утомляясь и истощаясь въ своей обычной дѣятельности. Такіе наслѣдники получаютъ для своей нервной системы то состояніе, которое извѣстно въ наукѣ подъ именемъ «нервной раздражительной слабости», — это значитъ, что такая нервная система и быстрѣе возбуждается противъ нормы и быстрѣе истощается противъ нормы.

Разумѣется, степень этой нервной неустойчивости въ различныхъ случаяхъ у наслѣдственниковъ будетъ неодинакова: въ однихъ случаяхъ она будетъ больше, въ другихъ—меньше; въ однихъ случаяхъ она будетъ поправимой при дальнѣйшемъ благопріятномъ воспитаніи и существованіи даннаго наслѣдника; въ другихъ случаяхъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни наслѣлника

его нервность все-таки проявится. Такая условность будетъ зависѣть отъ очень многихъ случайностей. Гораздо хуже дѣло будетъ стоять, если родители оба имѣли ненормальную нервную систему,—хуже если одинъ изъ родителей былъ душевно больной, а не нервно,—неблагопріятны условія, если родитель былъ эпилептикъ и т. д. Сочетаній въ этомъ отношеніи можетъ быть необыкновенное множество, такъ какъ при этомъ нельзя не принимать во вниманіе противодѣйствія и мощи организаціи другого—здороваго родителя.

Изъ всего этого для насъ важно одно: отъ душевно и нервно больныхъ родителей наслѣдственно передается не та или другая опредѣленная душевная или нервная болѣзнь, не эпилепсія родитъ эпилепсію,—а общая нервная неустойчивость, на почвѣ которой можетъ развиться любая и душевная и нервная болѣзнь, въ зависимости отъ того, какимъ жизненнымъ вліяніямъ подвергнется дальнѣйшее существованіе нашего наслѣдника.

А такъ какъ съ каждымъ годомъ жизнь цивилизованнаго человѣка

*

приноситъ все больше и больше огорченій, отягченій и прямо болѣзнетворныхъ вліяній на центральную нервную систему, то не покажется страннымъ увеличеніе въ нашъ вѣкъ количества душевныхъ и нервныхъ заболѣваній, что въ свою очередь является естественнымъ соціальнымъ, причиннымъ моментомъ для еще большаго увеличенія и распространенія, какъ нервныхъ заболѣваній, такъ и вырожденія русскаго общества, если противъ этого не будутъ приняты надлежащія мѣры.

Такимъ образомъ душевныя и нервныя болѣзни родителей не остаются безъ гибельнаго вліянія на потомство и родители должны это памятовать при воспитаніи дѣтей, дабы своевременно принять надлежащія мѣры къ противодѣйствію злу, явившемуся на свѣтъ вмѣстѣ съ ними, благодаря болѣзненному состоянію родителей.

Итакъ патологическая наслѣдственность — зло и зло серьезное въ томъ видѣ, какъ она нами указана; но въ этомъ отношеніи она имѣетъ далеко меньшее, несравненно меньшее вліяніе сравнительно съ тѣмъ,

если къ ней прибавить еще два ужасныхъ болѣзненныхъ фактора. Эти гибельные факторы, неудержимо ведущіе родъ человѣческій къ вырожденію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова—*пьянство* и *сифилисъ*.

Эти два врага человѣческаго рода дѣйствуютъ двояко: непосредственно и посредственно. Непосредственно, губя тѣхъ, кто подвергся ихъ вліянію, посредственно—губя ихъ потомство. Въ высочайшей степени интересно и поучительно разсмотрѣніе вопроса о непосредственномъ воздѣйствіи пьянства и сифилиса на вырожденіе общества и я льщу себя надеждой въ будущемъ поговорить объ этомъ,—въ настоящее же время насъ занимаетъ вопросъ о посредственномъ воздѣйствіи пьянства и сифилиса, какъ причинъ, порождающихъ въ обществѣ нервныя и душевныя болѣзни.

Пьянство. Употребленіе алкоголя производитъ двоякое измѣненіе въ нервной системѣ пьющаго: 1) оно вызываетъ состояніе опьяненія, т. е. временное ненормальное состояніе головного мозга, временное его отравленіе, которое съ выведеніемъ

алкоголя изъ организма проходитъ, мозгъ приходитъ въ обычное состояніе своей дѣятельности, и 2) рядъ повторныхъ опьяненій вызываетъ въ элементахъ головного мозга такія измѣненія, которыя не проходятъ уже безслѣдно съ выведеніемъ алкоголя, а производятъ болѣе или менѣе стойкія измѣненія въ нихъ. Въ первомъ случаѣ происходятъ временныя измѣненія химическаго состава нервныхъ элементовъ, во второмъ болѣе или менѣе длительныя, а иногда и пожизненныя.

Тотъ фактъ, что случайное опьяненіе можетъ отразиться на зачатіи и потомствѣ—явленіе не тайное и извѣстно было еще въ классической древности. Діогенъ по отношенію къ одному глупому ребенку сказалъ: его отецъ былъ пьянъ, когда мать его зачала. Вулканъ родился хромымъ, потому, что зачатъ былъ отъ пьянаго Юпитера. Плутархъ писалъ: ebrii geniunt ebrios. Карѳагенскій законъ запрещалъ мужчинѣ пить что либо опьяняющее въ тотъ день, когда онъ имѣлъ сожительство съ женщиной. Очевидно уже греки хорошо знали, что опьяненіе небезо-

пасно не только для пьющаго, но и для его будущаго потомства. А какъ часто грѣшатъ противъ этого и сколько несчастій на землѣ совершается, благодаря человѣческому легкомыслію, увлеченію, страсти и скотскому побужденію...

Но этимъ причиняемое человѣчеству алкоголемъ зло слишкомъ ничтожно, чтобы на немъ останавливаться. Я останавливаюсь на немъ только съ цѣлію довести до свѣдѣнія людей, что случайное опьяненіе небезопасно въ смыслѣ плохого вліянія на зарождающееся въ этомъ состояніи потомство. На этотъ разъ я не рѣшаюсь поднимать бури указаніемъ на то, какъ опасно и вредно простое и случайное опьяненіе и перехожу къ хроническому опьяненію.

Много-ли вообще на свѣтѣ пьяницъ и много-ли ихъ въ нашемъ просвященномъ обществѣ? Что нашъ мужикъ спился—это такъ общеизвѣстно, что объ этомъ даже тошно и говорить. А вотъ, что нашъ интеллигентъ пьяница—объ этомъ слѣдуетъ сказать. И этотъ интеллигентъ гораздо большій пьяница, чѣмъ да-

же мужикъ. Мужикъ пьетъ разъ въ недѣлю и, слѣдовательно, его пьянство періодическое, сводящееся на простое опьяненіе, а интеллигентъ пьетъ изо-дня въ день. Не изъ-за горя и недостатка онъ пьетъ, а съ жиру. Пьетъ и въ праздникъ, пьетъ и въ будни, и до обѣда, и за обѣдомъ, и передъ ужиномъ, и за ужиномъ, и послѣ ужина, и за картами, и въ театрѣ, и въ саду... Гдѣ онъ не пьетъ? Теперь спросимъ: кто же пьяница — мужикъ, или интеллигентъ? Посмотрите вы вокругъ себя и увидите, что порядочно пьющихъ очень и очень много. Если вы захотите поставить ребромъ вопросъ и спросить прямо: много-ли въ интеллигентномъ обществѣ пьяницъ?—то и тогда вы должны отвѣтить: ихъ больше, чѣмъ въ деревнѣ. Я рѣшительно скажу: я не знаю ни одного порядочнаго семейства, въ болѣе или менѣе отдаленномъ кружкѣ котораго не было бы пьяницы. И это я говорю о пьяницѣ заправскомъ, пропивающемъ свою честь и доброе имя... А теперь вы возьмите другихъ людей: людей порядочныхъ, приличныхъ, милыхъ, принятыхъ въ об-

ществѣ,—но любящихъ «заложить», «быть съ мухой», «немножко выпить» и т. д. Ихъ неисчислимое число. А вѣдь это уже пьяницы. Это люди, которые уже не могутъ обойтись безъ алкоголя. Это люди, у которыхъ алкоголь составляетъ необходимую принадлежность ихъ плоти и крови... А скольkихъ вы знаете писателей, поэтовъ и художниковъ, которые и могутъ творить только лишь въ чаду опьяненія алкоголя, кофе, морфія и т. д.... Увы, все это пьницы. Все это пьяницы, а ихъ дѣти—потомки пьяницы, обреченные на вырожденіе. Тяжело, грустно и жалко сознаться,—но это вѣрно.

Что же дѣлаетъ пьянство?

Изслѣдованія Eccheveria, Russel'я, мои личныя и многихъ другихъ говорятъ, что эпилептики въ 60% имѣютъ родителей пьяницъ. Мы не имѣемъ точныхъ цифръ для нейрастеніи, истеріи и хореи, но не подлежитъ сомнѣнію, что и въ этихъ болѣзняхъ пьянство родителей играетъ не малую роль. Совершенно вѣрно также и то, что наслѣдственно передается дѣтямъ: страсть, не-

удержимая, болѣзненная страсть къ пьянству же, склонность къ самоубійству, идіотія, всѣ явленія психическаго вырожденія, нравственное помѣшательство и т. д.

Такимъ образомъ наслѣдственность нервныхъ страданій отъ родителей психопатовъ и нейропатовъ усиливается наслѣдственностью родителей пьяницъ. И нужно сознаться, что этотъ видъ нейропатологической наслѣдственности несравненно богатѣйшій, чѣмъ первый, ибо во-первыхъ, пьяницъ на свѣтѣ несравненно больше, чѣмъ душевно и нервно-больныхъ, а во-вторыхъ, самыя душевныя и нервныя заболѣванія родителей во многомъ зависятъ отъ ихъ собственнаго пьянства.

Сифилисъ. Но еще болѣе сильный врагъ, сильнѣйшій, чѣмъ соединенныя вмѣстѣ и нейропатическая наслѣдственность и пьянство—это сифилисъ. Врагъ этотъ является опаснѣйшимъ во-первыхъ потому, что онъ страшно распространенъ, во-вторыхъ потому, что онъ сильно и почти неотразимо дѣйствуетъ на поколѣнія, въ третьихъ потому, что его скрываютъ и не лечатъ надле-

жаще и своевременно, и въ четвертыхъ, потому, что его часто просматриваютъ и родители и врачи. Сифилисъ такая болѣзнь, о которой говорятъ только въ медицинскихъ аудиторіяхъ. Слово «сифилисъ» ужаснѣй всякаго жупела и упоминаніе этого слова передъ кѣмъ либо въ пріемной гостинной равнялось бы закрытію предъ нимъ дверей всѣхъ гостинныхъ цивилизованнаго міра. Ни одна порядочная женщина не смѣетъ знать это слово, подъ страхомъ лишиться званія порядочной женщины. Мужчины въ разговорѣ между собой, если позволяютъ говорить объ этой болѣзни, то только лишь по отношенію къ третьему отсутствующему лицу. Никто изъ сифилитиковъ, хотя бы о его болѣзни было вѣдомо всему міру, не рѣшится открыто заявить о своей болѣзни. Весьма многіе сифилитики при совѣтѣ съ врачемъ скрываютъ отъ него свою болѣзнь. Проказа въ обществѣ никогда не пользовалась столь дурной славой, какъ сифилисъ. Это болѣзнь позорная, неприличная, непозволительная для образованнаго общества, самое названіе которой

не позволительно для упоминанія въ обществѣ.

Вѣроятно она и не встрѣчается въ обществѣ?! Вѣроятно эта болѣзнь свойственна общественнымъ отбросамъ, подонкамъ общества и отщепенцамъ, которымъ доступъ въ общество не только недоступенъ, но и немыслимъ! Вѣроятно это болѣзнь паріевъ... Увы, нѣтъ и нѣтъ. Къ ужасу и несчастію общества, эта страшная болѣзнь поражаетъ больше всего жителей городовъ, преимущественно молодежь и при томъ молодежь состоятельную, интеллигентную, золотую молодежь, аристократію и даже нещадитъ владыкъ міра сего. Къ ужасу и несчастію общественному, эта болѣзнь распространена и распространена очень сильно въ самомъ лучшемъ обществѣ, между аристократіей рода, между аристократіей ума. Если я позволяю себѣ нарушить общественныя приличія и заговорить объ этой болѣзни открыто и публично, если я рискую такою откровенностью заслужить титулъ неприличнаго и нарушителя общественной нравственности, если я рискую подвер-

гнуться общественной цензурѣ и общественному остракизму, то это потому, что видѣлъ очень и очень много зла отъ этой болѣзни въ томъ обществѣ и государствѣ, на служеніе которому я отдалъ свою жизнь. Если бы я рисковалъ за это не только быть изгнаннымъ изъ общества, но и изъ государства, даже быть побитымъ камнями, то и тогда я долженъ былъ бы сказать о ней обществу и предупредить его о той страшной опасности, которая ему грозитъ отъ него же самого.

Эта болѣзнь, какъ и самое ея названіе, считаются неприличными и позорными отъ способа и мѣста полученія этой болѣзни. Да, было время, когда эта болѣзнь получалась неприличными и непозволительными путями. Но теперь далеко не то. Въ настоящее время сифилисъ среди насъ, съ нами и нерѣдко въ насъ самихъ, безъ нашего однако вѣдома. Какъ ужасно сознаться и сказать открыто, что милая, вполнѣ благовоспитанная, прекрасная дѣвушка, выходя замужъ, получаетъ эту ужасную болѣзнь отъ искренно любящаго ее мужа! Какъ ужасно ска-

зать, что патріархальная и почтенная мать, всѣми любимая и уважаемая, получаетъ эту болѣзнь, цалуя искренно и горячо любимаго сына, надежду и опору семейства! Какъ еще ужаснѣе сознаться, что наши дѣти гибнутъ и гибнутъ, благодаря тому, что ихъ отецъ былъ когда-то сифилитикъ... Да эта болѣзнь ужасна, а не позорна. Она губитъ того, кто ею пораженъ, она губитъ близкихъ ему людей, она губитъ потомство. Что можетъ быть ужаснѣе этой болѣзни. Молчать-ли о ней?! Скрывать ее далѣе?! Замалчивать еще?!... Если мы будемъ молчать, то объ этомъ заговорятъ камни и позоръ долженъ пасть на голову того, кто объ этой ужасной болѣзни знаетъ и молчитъ.

Нѣтъ, говорить объ этой болѣзни должно. О ней должны знать всѣ: долженъ знать отецъ, чтобы охранить свое семейство, должна знать мать, чтобы предупредить своевременно о злѣ своихъ дѣтей, должны знать сыновья, чтобы остеречься отъ этой ужасной проказы, должны-ли знать дочери—это ваше дѣло. Какъ хотите, такъ и поступите въ этомъ случаѣ.

Повторяю, это болѣзнь ужасная и необыкновенно сильно распространенная въ высшемъ образованномъ и состоятельномъ обществѣ. Проникая въ организмъ, ядъ этой болѣзни можетъ поражать всѣ органы нашего тѣла, но болѣе всего тотъ изъ нихъ, который почему-либо является наислабѣйшимъ и можетъ оказать яду наименьшее сопротивленіе. Вотъ почему у страдающихъ печенью онъ скорѣе всего отразится на печени, у страдающихъ легкими—на легкихъ, у страдающихъ или предрасположенныхъ къ страданію въ нервной области — на нервной системѣ. А такъ какъ наше общество нервно по преимуществу, то сифилисъ наичаще проявляется въ области мозга и нервной системы. Какъ часто головныя боли многихъ умственныхъ работниковъ обязаны своимъ происхожденіемъ сифилису!.. Сколько случаевъ обмороковъ у взрослыхъ людей обязаны своимъ происхожденіемъ сифилису! Множество случаевъ временнаго отнятія языка у взрослыхъ и параличей у молодыхъ людей чисто сифилитическаго происхожденія... Какъ часто

припадки эпилепсіи тоже принадлежность сифилиса! А прогрессивный параличъ и спинная сухотка?! Наука говоритъ, что послѣдніе въ 80% обязаны своимъ происхожденіемъ сифилису. Мы на этотъ разъ будемъ добрѣе и снисходительнѣе и поставимъ дѣло даже такъ: прогрессивный параличъ и спинная сухотка не менѣе какъ въ 50% бываютъ у сифилитиковъ.... Господа табетики, вижу какъ вы возмущены тѣмъ, что я раскрываю вашъ секретъ. Вы готовы меня избить. Не боюсь. Вы слишкомъ слабы. А спасеніе сотень тысячъ страдальцевъ, невольныхъ и нерѣдко обязанныхъ своимъ страданіемъ вашей скрытности, не позволяетъ мнѣ молчать долѣе. Развѣ вамъ не жаль вашихъ женъ, которыя своимъ малокровіемъ, истощеніемъ и кахексіей всецѣло обязаны вашей болѣзни! Развѣ вы не знаете, скольким абортамъ подверглись ваши жены, благодаря вашей болѣзни! Развѣ вамъ ничего не говоритъ ваша совѣсть предъ сознаніемъ, что всѣ умершія ваши дѣти умерли по винѣ вашей болѣзни! Развѣ вы можете покойно взирать на вашихъ живыхъ

дѣтей! Вѣдь ваши дѣти носятъ въ себѣ задатки вашей болѣзни, то въ видѣ сифилиса, то въ видѣ золотухи, то въ видѣ видоизмѣненнаго сифилиса (дискразія)... Убейте же меня, но вспомните о вашей болѣзни и пожалѣйте тѣхъ, кто заболѣлъ, благодаря вамъ.

Въ томъ то и дѣло, что не вы одни страдаете отъ вашей болѣзни.

Въ 80% вы сами виновны въ вашей болѣзни. Всякая болѣзнь есть несчастье. И чѣмъ эта болѣзнь сильнѣе, тѣмъ несчастье больше. Сифилисъ ужаснѣйшая болѣзнь и ваше несчастье ужаснѣйшее. Я не злорадствую по поводу васъ. Я глубоко скорблю, при встрѣчѣ со всякимъ сифилитикомъ. Но будемъ справедливы. Во сколько-жъ разъ несчастнѣе тѣ, кто получаетъ сифилисъ не по своей винѣ—жены и дѣти! Я понимаю сугубое страданіе сифилитиковъ и за себя, и за жену и за дѣтей,—но все-таки ихъ несчастье меньше, чѣмъ тихая, глубокая скорбь страдальцевъ не по своей винѣ, страдальцевъ безсознательныхъ и неповинныхъ!..

Сифилисъ поражаетъ не только тѣхъ, кто имъ заражается, но и ихъ потомство. Онъ передается не только отъ человѣка къ человѣку, но и наслѣдственно дѣтямъ. Дѣтямъ онъ передается не только въ видѣ сифилиса, но и въ видѣ золотухи и въ видѣ цѣлаго ряда страданій дискразическихъ, между которыми важнѣйшее мѣсто занимаютъ нервныя страданія. Вотъ потомство сифилитиковъ. Прежде всего, часто къ собственному несчастью и общему благополучію, сифилитики остаются бездѣтными. Далѣе, сифилитики даютъ массу абортовъ,—болѣе 50% выкидыши обязаны своимъ происхожденіемъ благопріобрѣтенному и прирожденному сифилису. У сифилитиковъ часто бываютъ мертворожденныя дѣти. У сифилитиковъ весьма часто умираютъ дѣти въ первые два года отъ судорогъ, воспаленія мозга, истощенія и т. д. За симъ дѣти сифилитиковъ страшно золотушны. Въ первые годы у нихъ часто бываетъ частичное воспаленіе мозга съ послѣдующимъ развитіемъ эпилепсіи. Какъ часто у дѣтей сифилитиковъ развивается эклямпсія, эпилепсія, нейра-

стенія, истерія, хорея, спинная сухотка и т. д. Бываетъ и такъ, что дѣти сифилитиковъ отъ 10—12 лѣтъ крѣпки, здоровы, блестящи,—а затѣмъ начинаютъ чахнуть, проявляя приступы истеріи, эпилепсіи, воспаленіе мозга, спинную сухотку, спастическій пираличъ, хорею, воспаленіе средняго уха, идіотизмъ и даже прогрессивный параличъ.

Таково потомство сифилитиковъ. Сплошь и рядомъ родители даже не подозрѣваютъ, что болѣзни ихъ дѣтей обязаны своимъ происхожденіемъ именно этому злу—сифилису родителей, или дѣдовъ, ибо сифилисъ передается не только во второмъ, но и въ третьемъ поколѣніи... И никто не можетъ отрицать того, что такая наслѣдственность ужасна.

Вотъ почему я позволилъ себѣ нарушить цѣломудренность общества и раскрыть сотую долю того, что даетъ сифилисъ. Позволилъ себѣ эту дерзость потому, что сотни разъ мое сердце обливалось кровью, при видѣ страданія женъ, обязанныхъ своимъ истощеніемъ и нервными болѣзнями болѣзни мужей,—при видѣ страданія паралитиковъ и табетиковъ, которые

нерѣдко становились неизлечимыми только потому, что своевременно надлежаще не лечились,—при видѣ несчастныхъ дѣтей эпилептиковъ, паралычныхъ, истеричныхъ, нейрастениковъ, хореиковъ и проч., которые своими страданіями всецѣло были обязаны болѣзни родителей. Пишу все это потому, что часто вижу безвинныя страданія кроткихъ и непорочныхъ жертвъ. Пишу съ истиннымъ огорченіемъ—при мысли о грядущихъ несчастіяхъ для общества отъ грядущаго зла, тѣмъ болѣе, что оно и предупредимо и предотвратимо...

Итакъ третій видъ наслѣдственности въ области современныхъ нервныхъ страданій--это наслѣдственный сифилисъ.

Теперь, говоря, что въ основѣ этихъ нервныхъ страданій лежитъ нейропатическая наслѣдственность, мы должны имѣть въ виду наслѣдственность нервныхъ и душевныхъ болѣзней, пьянства и сифилиса. Это главныя основы нейропаталогической наслѣдственности. Кромѣ того такъже гибельно вліяютъ и нѣкоторыя другія болѣзни родителей, какъ ча-

хотка, подагра и проч., но значеніе этихъ пораженій несравненно слабѣе.

Говоря однако о зловредномъ воздѣйствіи патологической наслѣдственности на слѣдующія поколѣнія, мы должны добавить, что это зло не неустранимо. Существуютъ мѣры и средства и предотвратить это воздѣйствіе, и ослабить его и устранить. Въ этомъ отношеніи играютъ серьезнѣйшую роль: леченіе родителей, питаніе и воспитаніе дѣтей и дальнѣйшее направленіе жизни этихъ наслѣдниковъ, о чемъ мы будемъ говорить въ заключительной статьѣ нашей.

Вторымъ факторомъ, вліяющимъ на физическую и психическую организацію человѣка, является *воспитаніе*. Ребенокъ, родившійся отъ психически мощныхъ родителей и пріобрѣвшій отъ рожденія психически мощную организанію, подъ вліяніемъ воспитанія во внѣшней средѣ, можетъ сдѣлаться первостепеннымъ негодяемъ и душевно-больнымъ. Возьмемъ самый близкій примѣръ: сиротамалютка честныхъ и здоровыхъ родителей попадаетъ въ руки нищихъ и воровъ; 5—10 лѣтнее его пребы-

ваніе въ этой средѣ дѣлаетъ его истымъ плутомъ и нарушителемъ общественнаго порядка, пьяницей и душевно-больнымъ. Невинный младенецъ, не знающій жизни, не имѣющій ни малѣйшаго представленія о Богѣ, человѣкѣ, любви къ ближнему, попадаетъ въ такую среду, гдѣ онъ ежесекундно видитъ пьянство, развратъ, воровство, мошенничество и всѣ самые низкіе и грязные пороки. Мало-по-малу и онъ становится участникомъ этой жизни. Его посылаютъ за водкой. Его посылаютъ на развѣдки по части воровства. Его заставляютъ нищенствовать и попрошайничать. Его учать воровству. Его заставляютъ воровать. Его учатъ разврату. Его посвящаютъ въ развратъ. Онъ начинаетъ пить. Пьянствуетъ. Спивается и попадаетъ въ сумашедшій домъ. Въ концѣ-концовъ изъ отрасли честнаго и благороднаго семейства является воръ, грабитель и пьяница. Его богъ—удовлетвореніе грязнымъ страстямъ. Заповѣдь—люби ближняго, какъ самого себя—превращается въ девизъ: будь врагомъ своему ближнему. Необходимое дополненіе: алкоголь, сифилисъ, кар-

ты, развратъ и проч. Естественный исходъ: тюрьма и сумашедшій домъ.

Такимъ образомъ, отъ рожденія натура мощная, путемъ воспитанія, можетъ стать порочною, преступною и болѣзненною. Слѣдовательно, воспитаніе и среда, въ созиданіи умственно - нравственной личности человѣка, играютъ безусловно важную роль, нисколько не меньшую той, которую играютъ качества прирожденныя.

Мы указали на извращеніе путемъ воспитанія отправленій мощной центральной нервной системы даже до болѣзни. Но бываетъ и другой ходъ. Ребенокъ, родившійся отъ родителей пьяницъ, развратниковъ, преступниковъ, эпилептиковъ, душевно-больныхъ и проч., уже отъ рожденія получаетъ органъ душевной дѣятельности нездоровый. Онъ въ своемъ зародышѣ носитъ пьянство, развратъ, преступленіе, нервныя и душевныя болѣзни. Повидимому, въ дальнѣйшей своей жизни онъ долженъ проявить всѣ эти унаслѣдованныя качества. Но правильное, разумное, человѣческое и строгое воспитаніе можетъ совершенно обезсилить эти

качества и дать въ лицѣ этого наслѣдника нейропатологическихъ свойствъ обществу члена, достойнаго этого званія. Эта сторона дѣла еще болѣе возвышаетъ вліяніе и значеніе воспитанія и окружающей обстановки на созиданіе умственно - нравственнаго облика человѣка.

На основаніи этого мы приходимъ къ слѣдующему выводу: умственно-нравственное развитіе человѣка подчиняется и обусловливается слѣдующими двумя вліяніями—наслѣдственностью и воспитаніемъ. Это есть равнодѣйствующая двухъ силъ. Совершенство человѣческой личности зависитъ отъ взаимодѣйствія этихъ двухъ силъ; но если одна изъ нихъ будетъ представлять недостаточность, то недостаточность эта можетъ вознаграждаться воздѣйствіемъ второй силы. Отсюда слѣдуетъ и дальнѣйшій выводъ: уклоненія и нарушенія въ наслѣдственности и воспитаніи будутъ давать и нарушенія въ организаціи центральной нервной системы и ея отправленій—психической дѣятельности. Эти нарушенія отправленій будутъ прямо-пропорціональны степени нарушенія того или другого

дѣятеля: въ однихъ случаяхъ они даютъ неустойчивость и колебанія, въ другихъ — предрасположеніе къ заболѣванію и въ третьихъ—самую болѣзнь.

Въ дѣлѣ воспитанія мы должны различать двѣ стороны дѣла: домашнее воспитаніе и школьное обученіе. Наше современное домашнее воспитаніе я лично считаю очень неудовлетворительнымъ и не мало способствующимъ усиленію и даже развитію той нервности, которая такъ рѣзко проявляется въ нашемъ обществѣ.

Причину тому я вижу въ условіяхъ существованія нашего общества за послѣдніе 30—40 лѣтъ. Наше общество пятидесятыхъ годовъ представляло собою прудъ стоячей воды. Правда, въ него входили источники и родники воды живой, цѣлебной,— но ихъ было такъ мало въ сравненіи со всею остальною массою, что они совершенно подавлялись ею и оставались незамѣченными. Только очистка этой застоявшейся мути дала возможность оцѣнить значеніе этихъ родниковъ, спустя нѣкоторое время. Истокъ этой застоявшейся водѣ далъ Императоръ Александръ II. Дана была

свобода личности, свобода мысли и свобода слова. Послѣдовалъ цѣлый рядъ преобразованій, перевернувшихъ существовавшій тогда строй общества вверхъ дномъ.

И мы всѣ хорошо знаемъ свѣтлыя стороны этихъ преобразованій. Они обновили и образовали общество. Но бѣда въ томъ, что тысячи юношей, получившихъ высшее и среднее образованіе, не получили прочнаго воспитанія, устойчивыхъ принциповъ нравственности. Не имѣя въ себѣ Бога, они бросились въ объятія мамоны. Продажа совѣсти и нравственная несдержанность, прикрытыя нерѣдко пышными фразами, — представляли обычную окраску жизни. Погоня за наживой потребовала крайняго напряженія энергіи и труда: масса безсонныхъ ночей, чрезмѣрный умственный трудъ, недостатокъ средствъ, ложный стыдъ, ложное самолюбіе, нерѣдкія сдѣлки съ совѣстью,—все это не могло не подорвать нервной системы молодыхъ борцовъ и дать въ основѣ неустойчивую нервную систему и всѣ виды нейрастеніи. Крайне раздраженная и утомленная нервная система потребовала искус-

ственныхъ раздражителей: алкоголь, чай, кофе, табакъ. Во всѣхъ этихъ искусственныхъ поддержкахъ не было мѣры, не было сдержанности, а было злоупотребленіе. Въ результатѣ получилось неустойчивое поколѣніе, которое въ свою очередь дало молодое, еще болѣе болѣзненное поколѣніе,—отсюда недовольство жизнью даже у дѣтей, апатія, безпричинныя самоубійства, безнадежность, полная душевная пустота, крайняя нервность и склонность къ душевнымъ заболѣваніямъ.

Вотъ причины, породившія въ Россіи американскую болѣзнь (нейрастенію) едва-ли не въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ самой Америкѣ.

Мы обвиняемъ современную школу въ томъ, что она выпускаетъ дѣтей слабыхъ, хилыхъ, безпринципныхъ, расшатанныхъ и крайне нервныхъ. А даемъ-ли мы имъ дома прочные устои нравственности и убѣжденій?! Въ огромномъ большинствѣ нѣтъ. Какое же мы имѣемъ право требовать отъ школы, чтобы она создала въ дѣтяхъ эту нравственную твердость, если дѣти не видятъ примѣра всему этому въ насъ самихъ. Можетъ-

ли современная семья исправить ту психическую и нравственную неустойчивость, которыя унаслѣдуются дѣтьми отъ нервныхъ, неустойчивыхъ и расшатанныхъ родителей? Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что такого исправленія унаслѣдованной неустойчивости отъ современныхъ семейныхъ началъ мы едва-ли можемъ ожидать...

Что касается школьнаго образованія, то его у насъ неоднократно обвиняли въ порожденіи переутомленія у дѣтей, на которомъ развивались нейрастенія, недовольство жизнью, самоубійства, меланхолія и проч. Правда-ли это? Дѣйствительно-ли во всемъ этомъ виновна современная школьная система? Нѣтъ-ли здѣсь и другихъ причинъ, болѣе серьезныхъ и болѣе глубокихъ?

Возвратимся нѣсколько назадъ и посмотримъ, что было прежде? Лѣтъ 30—35 назадъ насъ учили грамотѣ по системѣ «буки азъ ба-ба», «вѣди азъ ва-ва» и т. д. Первою книгою для чтенія былъ псалтырь, котораго мы абсолютно не понимали. Первымъ нашимъ учителемъ былъ пономарь. Первою учебною книгою была свя-

щенная исторія, которая начиналась такъ: «Единъ Богъ, во Святой Троицѣ Поклоняемый, есть вѣченъ, т. е. не имѣетъ ни начала, ни конца своего бытія, но всегда былъ, есть и будетъ». Вся книга составлена была въ такомъ-же духѣ. Заключая въ себѣ глубокій смыслъ для людей развитыхъ и образованныхъ, она являлась китайской граммотой для насъ. Мы ее зубрили отъ буквы до буквы. Это было только начало. Также зубрили грамматику, ариѳметику, географію, исторію и т. д. Пропущенный въ отвѣтѣ какой-нибудь союзъ, или малѣйшая запинка въ отвѣтѣ, или неосторожная перестановка словъ низводили отмѣтку съ 5 на 3. Въ видѣ особаго рода испытанія умственнаго развитія допускалась вольность со стороны учителя географіи: по отвѣтѣ дословномъ урока, повторить его «своими словами» и обыкновенно изъ 60—80 учениковъ школы могли повторить своими словами урокъ человѣкъ 8—10. При какой обстановкѣ происходили занятія, въ какой атмосферѣ, при какой температурѣ, при какомъ обращеніи, не будемъ говорить... Утро проходило въ томъ, что

насъ спрашивали уроки и били руками, линейками и розгами; послѣобѣденное время, до звонка на молитву, проходило въ безсмысленномъ, безтолковомъ и одуряющемъ зазубриваніи уроковъ на будущій день. Прибавьте къ этому систематическое голоданіе и непрерывный холодъ и вы до нѣкоторой степени будете имѣть представленіе о томъ, въ чемъ заключалась система нашего школьнаго воспитанія. Для иллюстраціи разскажу одинъ эпизодъ. Однажды я долженъ былъ написать сочиненіе на тему «весна». Къ несчастью я вздумалъ начать это сочиненіе четверостишіемъ:

Мартъ мѣсяцъ наступаетъ,
Всѣ коренья оживляетъ...
Птички, прилетите къ намъ скорѣй,
Пойте пѣсни веселей...

Учитель, прочитавши эту протодерзость въ стихахъ, не говоря ни слова, подошолъ къ моей скамьѣ и вынулъ меня за волосы изъ за скамьи на средину класса для надлежащаго объясненія. Съ тѣхъ поръ у меня явилась ненависть къ стихамъ...

Вотъ система школьнаго воспитанія 35 лѣтъ назадъ.

Почему же однако при каторжной системѣ воспитанія не было тогда ни переутомленія, ни нейрастеніи, ни истеріи и ничего подобнаго?!

А потому что дѣти были иного матеріала и натуры. Не было той наслѣдственности, какая существуетъ теперь, и не было той семейной разнузданности и безсистемности, какія наблюдаются теперь. Чередованіе современнаго образованія ума съ военной гимнастикой въ школахъ представляетъ явленіе, заслуживающее полнѣйшаго одобренія и поддержки. Я имѣлъ въ своей практикѣ массу нервныхъ дѣтей изъ нашихъ гимназій и я почти никогда не давалъ совѣта взять ребенка изъ школы. Всѣ они продолжали учиться, многія окончили курсъ даже въ университетѣ и никому я не заградилъ дороги къ образованію. Больныхъ дѣтей нужно лечить и содержать въ строгой гигіенической и діэтической обстановкѣ. Нужно исправлять грѣхи родителей и недостатки семейнаго воспитанія, и если современную школьную систему можно обвинить въ чемъ, то скорѣе всего въ подавленіи въ дѣтяхъ самодѣятельности и самостоя-

тельности. Всѣ эти фребелевскія системы и всевозможныя репетиторства убиваютъ въ ребенкѣ иниціативу, самодѣятельность и стремленіе къ самостоятельной работѣ.

Въ общемъ современная школьная система представляетъ довольно удачное сочетаніе упражненія умственнаго съ военной гимнастикой. Такая система не только не ослабитъ нервной системы, не поведетъ сама по себѣ къ переутомленію, а, напротивъ, можетъ служить къ исправленію того, что изуродовано наслѣдственностью и семейнымъ воспитаніемъ. Если эта школьная система не всюду разумно и цѣлесообразно примѣняется, то это ужъ вина не системы, а людей, приводящихъ ее въ исполненіе...

Третій факторъ, могущій вліять болѣзнетворно на нервную систему человѣка, а при благопріятныхъ условіяхъ благотворно и оздоровляюще,— это *среда* и *условія обыденной жизни человѣка.*

Я не буду разсматривать условія жизни нашей въ широкомъ смыслѣ слова и ограничусь разсмотрѣніемъ жизни самой ближайшей, обыденной.

Въ этомъ отношенiи заслуживаетъ вниманiя жизнь деревенская, жизнь городская и жизнь столичная или петербургская.

Самой здоровой средой для вырождающагося и отживающаго человѣка является деревня. Тамъ человѣкъ встаетъ рано (6—7 часовъ), дышитъ свѣжимъ воздухомъ, наблюдаетъ за хозяйствомъ, для чего ходитъ и ѣздитъ въ поле, нерѣдко самъ дѣлаетъ ту или другую мелочь, ѣстъ здоровую пищу, въ мѣру сидитъ дома, въ мѣру утруждаетъ свою благородную голову, лишенъ винта и картъ и ложится спать въ пору. Въ результатѣ—кровь съ молокомъ.

На этотъ разъ всѣ столичные люди возопiютъ: что же намъ въ деревню всѣмъ на поправку?!. Отчего же,—можно и въ деревню. Повѣрьте, послѣ двухъ лѣтъ жизни вы будете и здоровѣе, и красивѣй и умнѣй...

Значитъ, въ деревнѣ нѣтъ болѣзни, вы скажите?

Нѣтъ, и въ деревнѣ есть болѣзнь. Гдѣ человѣкъ, тамъ и болѣзни съ нимъ; однако для человѣка состоятельнаго, при благоразумномъ сочетанiи умственнаго и физическаго тру-

да, деревня представляетъ условія, исправляющія его тѣлесные и душевные недуги и это пока единственный факторъ, противодѣйствующій неблагопріятнымъ условіямъ наслѣдственности и хромого воспитанія.

Иная жизнь городская. Здѣсь мы встрѣчаемъ два типа людей: работника и бездѣльника. Первый чрезмѣрно трудится на своемъ пути, второй—на своемъ. Встаютъ они оба въ 8—9 часовъ. За симъ чай и у одного немедленно дѣло, а у другого серьезный моментъ для обдумыванія, какъ онъ проведетъ время сегодня, чтобы ничего не дѣлать. Но у обоихъ есть служба и въ 10 идутъ оба на службу. Въ 2—3 обѣдъ. Послѣ обѣда часокъ отдыха на дыванѣ; а затѣмъ у дѣльца дѣло, а у шалопая обдумываніе, чѣмъ пополнить свою пустоту. Вечеромъ у дѣльца дѣло,—у шалопая винтъ: у обоихъ до 1—2 часовъ. Оба они сидятъ, лежатъ и ѣздятъ, но не ходятъ и вообще не любятъ совершать движенія. Оба они много курятъ, оба ѣдятъ много мяса, оба порядочно выпиваютъ, а потому оба слегка тучноваты, или слегка напоминаютъ тощую фара-

онову корову. Если они отъ природы нервны, то такая односторонняя и однообразная жизнь не исправитъ ихъ питанія и даже не удержитъ въ равновѣсіи, а непремѣнно будетъ способствовать нарушенію его и поддержанію тѣхъ болѣзненныхъ состояній, которыя ему присущи отъ рожденія.

Петербургъ. Въ 8 ч. встаютъ горничныя и лакеи. Въ 9—швейцары; въ 10—интеллигентная холостая молодежь и мужья; въ 11—интеллигентныя жены; въ 12—интеллигентныя дѣвицы; въ 1 часъ мужья аристократы, въ 2—3 аристократическія дамы. Если-бы я спросилъ лучшую часть Петербурга—кто видѣлъ восходъ солнца, вставая отъ сна, то навѣрное получилъ-бы отъ всѣхъ отрицательный отвѣтъ. За то очень многіе видятъ это восходящее солнце по возвращеніи съ баловъ, вечеровъ и проч., ложась спать. Знаете-ли вы, что дѣлается съ растеніемъ, если его лишить благодѣтельныхъ лучей солнца? Оно блекнетъ и умираетъ.

А что дѣлается съ петербургской женщиной? Она блекнетъ, безцвѣтна и вымираетъ. Лучше-ли петербург-

скій мужчина? Едва-ли. Все, что повиднѣй,—это не петербургское, а изъ провинціи. Оставь Петербургъ 50 лѣтъ безъ обновленія свѣжеприбывшими соками изъ провинціи и онъ весь выродится. Почему? Потому, что въ немъ нѣтъ солнца, потому что жизнь складывается такъ, что и того захудалаго солнца, которое можно видѣть, жители Петербурга не видятъ, ибо они просыпаютъ его.

Жизнь петербургскаго жителя необыкновенно безсмысленно сложилась. Онъ презираетъ природу. Онъ желаетъ жить безъ солнца, безъ живого свѣта, безъ воздуха, безъ воды и безъ порядочной пищи. За то природа жестоко и наказываетъ петербуржцевъ. Выйдите въ девятомъ часу утра на улицу и посмотрите на этихъ несчастныхъ заморышей, бѣгущихъ въ школу. Развѣ это распускающіеся бутоны? Нѣтъ, это нерасцвѣтшіе и отцвѣтшіе цвѣты. Кто виноватъ въ этомъ? Школа съ ея душною атмосферою? Не клевещите на безмолвную школу. Школа не исправитъ того, что погубила петербургская жизнь.

— Помилуйте, мы питаемъ дѣтей лучшимъ мясомъ и прекраснымъ крѣпкимъ виномъ...

Напрасно. И самое лучше мясо и самый жизненный алкогольный нектарь не спасетъ вашихъ дѣтей. Напротивъ—мясо, мясо и мясо плюсъ вино—скорѣе погубятъ вашихъ дѣтей. Дайте имъ солнце, дайте имъ воздухъ, дайте имъ правильную жизнь и ваши дѣти спасены,--а всего этого въ Петербургѣ нѣтъ.

Въ Петербургѣ жизнь идетъ отъ часу до пяти. Въ это время мужья дѣлаютъ дѣла, а жены обдѣлываютъ дѣла. Все остальное время идетъ совершенно вопреки законамъ божескимъ и человѣческимъ. Если вы приглашены на чашку чаю, то раньше не думайте отправляться, какъ въ 9—10 часовъ; а если вы приглашены на вечеръ, то ужъ никакъ не раньше 12 часовъ являйтесь. До коихъ-же поръ тамъ веселятся? Когда-же эти люди спятъ? Спятъ они днемъ, а бодрствуютъ ночью. Бодрствуютъ они при свѣтѣ керосина и электричества, а не солнца; но этотъ свѣтъ только свѣтитъ, а не грѣетъ...

Вы хотите, чтобы я коснулся нравственной жизни петербуржца? Не казиста она для настоящаго времени. Подробно разсматривать ее по

многимъ обстоятельствамъ далеко небезопасно. Достаточно, если мы скажемъ, что борьба за существованіе достигла здѣсь невѣроятныхъ предѣловъ. Къ сожалѣнію, развивается и въ довольно широкихъ размѣрахъ такая язва, какъ взяточничество,—а о протекціонизмѣ нечего и говорить... У каждаго служащаго два начальства: начальникъ—мужъ и начальница—жена. Каждый служащій долженъ служить мужу и прислужиться женѣ и горе тому, что послѣднимъ пренебрегаетъ. Зачастую, жена начальника важнѣе мужа. Хорошо еще, если это жена, а то ищи и сортомъ пониже... И вотъ борьба за существованіе обостряется, ибо приходится не только служить, но и прислуживаться, или, вѣрнѣе говоря, не столько служить, сколько прислуживаться.

А умственная продукція? Она не такова, какою она должна была-бы быть. Мы съ полною откровенностью скажемъ, что нѣкоторые отдѣлы высшаго образованія стоятъ ниже въ Петербургѣ, чѣмъ въ провинціальныхъ университетахъ, хотя Петербургъ очень щедрою рукою от-

пускаетъ средства своимъ учрежденіямъ и очень скупо для провинціи. Но долженъ сознаться, что вопросъ это очень щепетильный и на этотъ разъ я не рѣшаюсь остановиться на немъ болѣе подробно.

Во всякомъ случаѣ петербургская жизнь весьма и весьма способствуетъ разстройству нервной системы, ея истощенію и рѣзкому заболѣванію, что очень хорошо извѣстно каждому изъ петербуржцевъ, ибо тамъ на 10 человѣкъ обязательно 9 нервныхъ людей...

Такимъ образомъ мы видимъ, что среди условій существованія въ нашемъ обществѣ много такихъ, которыя создаютъ наши нервныя болѣзни, какъ нервная патологическая наслѣдственность, довольно распространенное пьянство, еще болѣе распространенный сифилисъ, очень недостаточное семейное воспитаніе и неудовлетворительная среда жизни. Все это не можетъ не повліять болѣзнетворно на нервную систему, а потому нисколько не удивительно, что наше общество представляетъ огромный процентъ нервныхъ боль-

ныхъ. Пока эти условія жизни будутъ продолжаться, до тѣхъ поръ нѣтъ никакого основанія надѣяться, чтобы количество нервныхъ болѣзней въ обществѣ уменьшилось,—напротивъ, оно еще болѣе увеличится.

Кромѣ вышеуказанныхъ главныхъ причинъ нервныхъ болѣзней существуетъ много и другихъ, но я остановился только на тѣхъ, въ которыхъ болѣе или менѣе повинно общество и которыя, слѣдовательно, и могутъ быть уничтожены по волѣ самого общества. Обо всемъ этомъ я могъ-бы говорить еще много и много, но, и безъ того довольно ясно изложилъ то, что хотѣлъ сказать и теперь считаю позволительнымъ перейти къ изложенію клинической картины тѣхъ нервныхъ заболѣваній, которыя наиболѣе распространены въ обществѣ.

Вмѣсто того, чтобы представлять сухое перечисленіе клиническихъ картинъ болѣзней, о которыхъ я намѣренъ говорить, я позволю себѣ представить исторію болѣзни одного семейства, разумѣется, семейства воображаемаго.

II. Исторія болѣзней.

Родоначальникъ нашего семейства — Михаилъ Александровичъ, богатый помѣщикъ одной украинской губерніи. Родился въ 1830 г. въ богатомъ и совершенно здоровомъ физически и психически семействѣ, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, холи и нѣги того времени. 15-ти лѣтъ онъ отданъ былъ въ одинъ изъ аристократическихъ московскихъ пансіоновъ, послѣ котораго въ 25 лѣтъ окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по камеральному факультету. Тихій, скромный, образованный, благовоспитанный и образцово-крѣпкій юноша отправленъ былъ въ Парижъ закончить свое образованіе, причемъ къ нему приставленъ былъ дядька-французъ. Продолжая свое образованіе въ Парижѣ, Михаилъ Александровичъ не устоялъ передъ соблазнами Вавилона и въ одно время

пустился во вся тяжкая парижской жизни, имѣя своимъ руководителемъ француза-лядьку. Кончилось неблагополучно. И воспитатель и воспитанникъ получили «французскую болѣзнь», отъ которой довольно долгое время въ Парижѣ лечились.

Черезъ два года Михаилъ Александровичъ возвратился подъ родительскій кровъ, но въ ужаснѣйшемъ видѣ. Облысѣлый, худой, истощенный, землисто-зеленаго цвѣта и достаточно нравственно-угнетенный. Пожалѣли родители о своей оплошности, но дѣла слезами не поправишъ. Къ счастію, Миша не захотѣлъ составлять себѣ карьеры остался и дома, при отцѣ. Покойная жизнь, постоянное пребываніе на чистомъ воздухѣ въ полѣ и саду, прекрасное питаніе и отсутствіе эксцессовъ скоро поправили молодого человѣка и выдвинули его лучшимъ и наиболѣе блестящимъ женихомъ въ краѣ. Нашлась и невѣста. Это была Надежда Ильинишна, дочь генерала, сосѣда помѣщика. Надя—красавица и вполнѣ здоровая дѣвушка, такъ какъ семейство отличалось образцовымъ здоровьемъ.

Михаилъ Александрьвичъ и Надежда Ильинишна страстно любили другъ друга, родители были согласны на ихъ бракъ и свадьбу скоро отгуляли. Медовой мѣсяцъ проведенъ былъ въ Крыму, и затѣмъ молодые поселились въ своемъ имѣніи, довольные собою и всѣмъ окружающимъ. Вскорѣ Михаилъ Александровичъ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и вполнѣ былъ удовлетворенъ въ смыслѣ карьеры.

Но, видно, болѣзнь, «полученная въ Парижѣ», не прошла даромъ Демидовымъ. На третьемъ мѣсяцѣ у Надежны Ильинишны явился выкидышъ. Черезъ 4 мѣсяца опять выкидышъ и такихъ выкидышей было пять подъ-рядъ. Тяжко это огорчало супруговъ,—не менѣе горестно это было и для ихъ родителей... Надежда Ильинишна стала блѣдна, худа и ужасающе болѣзнена. Явилась нервность, безсонница, постоянныя слезы, приступы тоски и приступы истерики. А тутъ и Михаилъ Александровичъ расхворался. И, кажется, не было причины, отъ чего-бы ему хворать, а между тѣмъ хворалъ и хворалъ непріятно. Явились головная

боль, безсонница, головокруженія, раздражительность и вообще онъ сталъ неузнаваемъ. Подумали, подумали и порѣшили ѣхать въ Парижъ. Средства были, дѣла не задерживали, поэтому рѣшено и исполнено. Тамъ Михаилъ Александровичъ, по знакомству, лечился у своего прежняго врача, а жена у извѣстнаго гинеколога. Черезъ полгода супруги возвратились домой,—а еще черезъ полгода Богъ далъ имъ сына—Мишу. Радости родителей, бабушекъ и дѣдушекъ не было конца. Черезъ годъ еще сына и еще сына, а затѣмъ черезъ два года родились двѣ дочери.

Такимъ образомъ въ семейномъ отношеніи супруги были счастливы. Да и вообще жизнь ихъ шла вполнѣ покойно и благополучно. Одна только бѣда была въ томъ, что здоровье супруговъ было не вполнѣ блестяще. Все, кажется, хорошо. И климатъ теплый. и домъ прекрасный, и достатки отличные, и жизнь живая и покойная, — а здоровья нѣтъ. Михаилъ Александровичъ постоянно носится съ головою, а Надежда Ильинишна съ малокровіемъ, приступами тоски и истерикой. Имѣніе, въ ру-

кахъ управляющаго нѣмца, шло хорошо. Дѣла по дворянскому собранію, въ рукахъ письмоводителя, шли отлично. Всѣ ихъ уважали. Домъ ихъ былъ въ родѣ заѣзжаго дома. Вѣчно гости, вѣчно весело; но это нисколько не стѣсняло и не отягощало хозяевъ, — ибо гости само по себѣ, а хозяева сами по себѣ. Гостямъ предоставлено ѣсть, пить и веселиться, а хозяева хотятъ—сидятъ съ ними, хотятъ — уходятъ и уѣзжаютъ.

Это время было самое горячее въ Россіи. Крѣпостное право было отмѣнено. Пришлось позаботиться и о рабочихъ, и о хозяйствѣ, и о деньгахъ и о многомъ кое-чемъ другомъ. Къ ужасу своему, Надежда Ильинишна замѣтила, что Михаилъ Александровичъ очень рѣзко измѣнился въ характерѣ. Какъ-то его ничто не трогало. Ко всему онъ сдѣлался равнодушенъ и хладнокровенъ. Дѣла, хозяйство, семья—все это потеряло для него интересъ. Его собственная личность стала для него неинтересной. Всегда опрятный, чистый, щеголеватый,—онъ теперь сталъ неряшливъ, небреженъ и нечистопло-

тенъ, —а между тѣмъ ему было всего 45 лѣтъ. Въ дѣлахъ онъ постоянно путалъ обстоятельства. По хозяйству иногда давалъ такія распоряженія, которыя вовсе не шли къ дѣлу. Еслибы не письмоводитель и управляющій, то Михаилъ Александровичъ нажилъ-бы себѣ очень много непріятностей. Недолго однако огорчалась Надежда Ильинишна. Схвативъ воспаленіе легкихъ, она скоро скончалась, 38 лѣтъ отъ роду, проживъ въ супружествѣ 18 лѣтъ.

А Михаилъ Александроочичъ и незамѣтилъ своей дорогой потери. Правда, во время похоронъ онъ даже плакалъ; но очень многихъ поразило то, что въ промежуткахъ онъ забывалъ даже о смерти своей дорогой супруги и нерѣдко отсылалъ гостей и прислугу за справками къ Надеждѣ Ильинишнѣ, которая въ то время лежала на столѣ.

Потекла теперь жизнь Михаила Александровича ровно и однообразно. Почти все время сидѣлъ онъ себѣ дома и занимался ничего недѣланіемъ. Всѣмъ хозяйствомъ заправляла его старушка-мать, безъ которой, вѣроятно, все пошло-бы прахомъ. Изъ ува-

женія къ его прежней дѣятельности и его всегдашнему хлѣбосольству, дворянство держало его предводителемъ, но дѣла велись помимо его. Онъ только машинально подписывалъ то, что ему подставляли. Разумѣется, подставляли ему не все въ порядкѣ,— но до поры до времени, все сходило съ рукъ. Нѣкоторымъ дѣльцамъ такой предводитель дворянства былъ даже на руку.

А самъ предводитель представлялъ собою свою прежнюю тѣнь. Онъ сталъ неряшливъ, забывчивъ, нечистоплотенъ, нескроменъ и невоздержанъ въ словахъ и поступкахъ,— часто покушался избить окружающихъ, забывая, что времена кулачнаго права отошли въ вѣчность. Къ этому присоединилась слабая и шаткая походка, дрожь въ рукахъ и неясная рѣчь. Въ послѣдній годъ онъ даже нерѣдко подъ себя испражнялся и въ такомъ видѣ появлялся въ обществѣ.

Часто гдѣ сидитъ, тамъ и заснетъ. Нерѣдко ему приходилось спутывать самыхъ близкихъ людей; такъ свою матушку онъ нерѣдко принималъ за покойную супругу. Часто онъ блуж-

далъ въ своемъ кабинетѣ и плакалъ, какъ дитя, не умѣя найти изъ него выходной двери.

Въ такомъ видѣ Михаилъ Александровичъ, 50-ти лѣтъ, но перешедшій во второе дѣтство, безъ всякой болѣзни и безъ всякаго повода, разъ заснувши послѣ обѣда, уже не проснулся. Похоронили его съ почестями, подобающими именитому человѣку, но искренно о немъ уже никто не сожалѣлъ, ибо Михаила Александровича не стало на свѣтѣ уже давно. Таковъ былъ родоначальникъ семейства, о которомъ я имѣю въ виду говорить, представлявшій подъ конецъ жизни явленіе *паралитическаго слабоумія.*

Михаилъ Александровичъ оставилъ послѣ себя пятерыхъ дѣтей: Мишу, Колю, Костю, Олю и Надю.

Миша родился очень хилымъ ребенкомъ. Такъ какъ его мать была женщина очень слабая, то выкормила Мишу мамка, взятая изъ деревни,—женщина здоровая и крѣпкая. Несмотря на такую поддержку въ питаніи со стороны кормилицы, Миша остался слабенькимъ и малокровнымъ. Малѣйшее нарушеніе

обычной его жизни сопровождалось судоргами (младенческое, родимчикъ, эклямпсія). Лихорадка, насморкъ, прорѣзываніе зубовъ — все это постоянно сопровождалось эклямптическими судорогами. Ребенокъ былъ весьма капризный, раздражительный и плаксивый. По ночамъ онъ часто просыпался, плакалъ и вскрикивалъ. Года въ четыре онъ просыпался съ криками, что около него стоитъ какой-то дѣдъ, страшный, страшный! И нужно было долго его успокаивать, пока онъ вновь заснетъ. Нерѣдко во время сна у него наблюдались вздрагиванія и подергиванія; а то онъ очень часто жаловался также и на то, что, при засыпаніи, ему казалось, что онъ падаетъ въ пропасть, сильно вздрагиваетъ и просыпается. Въ 7—9 лѣтъ Миша очень любилъ сказки, но онѣ должны быть страшныя и занимательныя. Долго, долго послѣ сказки мальчикъ, зарывшись въ одѣяльце, переживалъ эту сказку. Вотъ кажется ему, что царевичъ, спасшій дѣвицу отъ змѣя и волка, никто иной, какъ онъ. Вотъ онъ, темной ночью, отправляется искать змія. Темные дремучіе лѣса. Вой звѣрей.

Страшныя горы заслоняютъ ему дорогу. Все это онъ уничтожаетъ, все преодолѣваетъ. Настигаетъ самаго змія. Вступаетъ съ нимъ въ непомѣрную борьбу... Ужасна эта борьба, но оканчивается благополучно. Дѣвица Ксенія спасена и спасъ ее онъ, Миша. Нелегко далась ему эта побѣда. Сердце бьется, какъ молоденькая птичка въ клѣткѣ. Все тѣльце дрожитъ. Весь онъ покрытъ потомъ... За то онъ герой, побѣдитель. Битва эта однако длится до полуночи и Миша не досыпаетъ, благодаря этой битвѣ... А то вдругъ Мишѣ кажется, что у него подъ постелью сидитъ разбойникъ съ большимъ, большимъ ножемъ... Господи, какъ страшно!... А няня уже спитъ и знать не хочетъ, что вотъ, вотъ Мишу зарѣжутъ... холодный потъ покрываетъ Мишу... Не шелохнется онъ... Весь дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, и такъ дрожитъ до тѣхъ поръ... пока не заснетъ... А потомъ и во снѣ онъ вздрагиваетъ подъ вліяніемъ отрывочныхъ и безсвязныхъ сновидѣній.

Вотъ Мишу обучили и грамотѣ. Не любитъ Миша учиться. Оно и

не трудно, да непріятно,—а тутъ еще скоро забывается выученное. Священную исторію, исторію и географію любитъ Миша,—но ужъ русскій языкъ и ариѳметику,—терпѣть не можетъ. И что за глупый предметъ эта ариѳметика!.. Сидитъ Миша съ карандашемъ въ зубахъ надъ заданной задачей,—а фантазія далеко, далеко отъ дому!.. Вотъ онъ въ Америкѣ, среди дикарей, завоевываетъ новыя земли... Ухъ, какъ опасно это дѣлать! Какъ они быстро и стремительно нападаютъ! Рубитъ Миша ихъ на-право и на-лѣво,—а они все идутъ и идутъ...

— Ты что это, болванъ, машешь карандашемъ?—кричитъ на него учитель.

А это Миша настолько увлекается образами своихъ фантазій, что невольно начинаетъ размахивать карандашемъ вмѣсто сабли... Читать Миша любитъ, но только свои излюбленныя книги. Его любимый авторъ—Гоголь. Его герои: Тарасъ Бульба, Гетманъ Остряница и другіе малороссійскіе гетманы, сложившіе свою голову за Січь, за свою родину «мать Украйну», за тотъ чудный

родной Днѣпръ, который разливается теперь передъ глазами Миши... Сколько часовъ Миша просиживалъ на берегу «батька Днѣпра», гдѣ тысячи запорожцевъ сложили свою буйную голову за свою вѣру, за родину въ борьбѣ съ татарами, ляхами, турками и проч. Все это живо возстаетъ въ картинахъ предъ ребенкомъ и не позволяетъ ему жить разсудкомъ. Миша какъ во снѣ... Онъ погруженъ въ образы фантазіи и потому всецѣло преданъ имъ... Онъ любитъ музыку, любитъ пѣніе, любитъ живопись и дѣлаетъ въ нихъ успѣхи... Но придаточныя предложенія, дополнительныя и опредѣлительныя слова... умноженіе и дѣленіе дробей, приведеніе ихъ къ одному знаменателю,—все это, по его мнѣнію, каторга, назначенная для того, чтобы терзать несчастныхъ дѣтей.

Мишу отдали въ гимназію. Не любилъ онъ и дома товарищества. Не любилъ онъ его и въ школѣ. Скромный, сосредоточенный и замкнутый, онъ стоялъ одиночкой. Уроки русскаго языка, латыни и ариѳметики были прекраснымъ развлеченіемъ для класса, если Демидова спрашивали.

Его отвѣты нерѣдко представляли феноменальную глупость. Зато инымъ онъ являлся на урокахъ исторіи. Съ любовью и увлеченіемъ повѣствовалъ онъ объ историческихъ событіяхъ. Быстро и звонко раздается его голосокъ, глазенки блестятъ, руки дрожатъ, жестикулируютъ... Кромѣ того, что Миша былъ нелюдимъ, онъ былъ капризенъ, раздражителенъ, плаксивъ и золъ.

Миша не любилъ никого. Одну только маму онъ обожалъ и очень ему было тяжко и грустно при поступленіи въ гимназію, гдѣ онъ лишенъ былъ возможности видѣться съ мамой...

Миша былъ въ четвертомъ классѣ гимназіи, когда мать его умерла. Это его страшно потрясло. Нужно сказать, что за два дня до полученія этого ужаснаго извѣстія у него явилось предчувствіе, что съ нимъ должно случиться что-то недоброе. Это недоброе и случилось. Умерла мама. Съ этихъ поръ Миша началъ вѣрить въ предчувствія. И какъ на зло, эти предчувствія очень часто оправдывались. Рядомъ съ этимъ у него явилась страсть къ суевѣріямъ. Три-

надцатое число, понедѣльникъ, пустая бочка, переѣхавшая дорогу, встрѣча со священникомъ,—все это ужасно мучило больного. За симъ онъ началъ создавать самъ себѣ примѣты. Если онъ беретъ книгу и корешекъ ея стоитъ вправо, а растворъ влѣво,—то урокъ пройдетъ благополучно; а возьметъ книгу наоборотъ,—быть бѣдѣ, хотя-бы онъ и прекрасно зналъ урокъ. И, дѣйствительно, не смотря на знаніе урока, подъ вліяніемъ тяготѣнія повѣрья,—онъ путался, сбивался и проваливался. Тогда онъ выдумалъ противоядіе: чтобы отогнать несчастье, онъ долженъ былъ, не переводя духъ, прочитать подъ-рядъ въ умѣ «отче нашъ...» Удастся это сдѣлать,—несчастье минуетъ; но если, не дай Богъ, онъ по ошибкѣ вздыхалъ во время чтенія,—пропало дѣло—быть бѣдѣ... Массу другихъ примѣтъ онъ придумывалъ, переживалъ, страдалъ и мучился ими, часто забывалъ старыя, но взамѣнъ ихъ всплывали во множествѣ примѣты новыя. Все это забивало маленькую головку Миши, мучило его, отрывало отъ ученія и заставляло страдать. Только полный

отдыхъ на каникулахъ нѣсколько успокоилъ его нервы и отстранилъ примѣты, повѣрья и суевѣрія.

Въ прежнее время репетиторовъ не было, а дѣтей отдавали на воспитаніе учителямъ, которые и заботились о переводѣ дѣтей изъ класса въ классъ. Миша былъ въ такомъ-же положеніи и потому неудивительно, что онъ окончилъ курсъ и поступилъ въ университетъ по юридическому факультету. При переходѣ на второй курсъ родитель Миши скончался и теперь онъ, Михаилъ Михаиловичъ, являлся представителемъ данной вѣтви и начальникомъ рода. По смерти родителя оказалось, что все ихъ имѣніе пошло прахомъ. Управленіе нѣмца имѣніемъ и управленіе письмоводителя опекунскими дѣлами довели до того, что семейству, по продажѣ всего имущества, не оставалось и пяти тысячъ! а между тѣмъ ихъ было пять человѣкъ. Что дѣлать и какъ быть? Тяжко это отозвалось на состояніи Миши... Пришлось просить милости у ближайшихъ родственниковъ и существовать ихъ щедротами. А въ дальнѣйшемъ—существованіе изъ-за

куска хлѣба и борьба за каждый шагъ жизни. И это приходилось вести Мишѣ, выхоленному и выведенному на помочахъ... Возвратившись въ университетъ, онъ тяжко заболѣлъ. Собственно говоря, онъ и не былъ боленъ, но не былъ и здоровъ. Онъ впалъ въ отупѣніе. Приходитъ на лекцію въ университетъ и начинаетъ ее слушать; но не проходитъ и трехъ минутъ, какъ мысль его далеко, далеко отъ лекціи... Ловитъ онъ себя. Опять рѣшаетъ никуда не отвлекаться и опять черезъ 2—3 минуты онъ далеко отъ лекціи. Такъ повторяется 10—20 разъ въ теченіе часа... Разумѣется, толку никакого изъ этихъ занятій. Началъ Миша просить у товарищей записанныхъ лекцій, чтобы дома собственными усиліями выполнить то, въ чемъ были пробѣлы во время слушанія лекцій. Увы, дѣло шло не лучше. Читаетъ Миша, читаетъ и ровно ничего не понимаетъ. Беретъ тетрадь. Читаетъ ее вслухъ. Прочиталъ страницу. О чемъ прочиталъ? Хоть убейте, не понимаетъ и понятія не имѣетъ. Опять читаетъ. И опять тоже. Пять, десять разъ читаетъ,—и въ десятый разъ результатъ тотъ-же.

«Господи! что же это со мною? Отупѣлъ... оглупѣлъ... совсѣмъ погибъ. Что же мнѣ теперь дѣлать! . Повѣситься,— больше ничего не остается».

Отчаяніе, безпредѣльное отчаяніе одолѣваетъ несчастнымъ юношей. Сонъ исчезъ. Съ открытыми глазами ложится,—съ открытыми и встаетъ. А если удастся сомкнуть глаза и заснуть,— то что это за сонъ!... Это сонъ не освѣжающій, а еще болѣе утомляющій... Голова тяжелая, общая разбитость, полнѣйшая пустота въ мысляхъ и рѣшительная неспособность выжать хоть какую-нибудь мысленку. Ходитъ Миша, какъ автоматъ. Часто, вставши съ постели, ночью онъ отправляется куда глаза глядятъ. Ни страха, ни опасенія за жизнь. Убьютъ—убьютъ! Развѣ это жизнь...

А то бываетъ и такъ. Вдругъ Миша повеселѣлъ. Болтливъ, разговорчивъ, общителенъ. Идетъ на лекціи — міръ ему улыбается. Слушаетъ лекціи и все понимаетъ. Мало того, онъ не только все понимаетъ, а онъ предугадываетъ, что профессоръ скажетъ, и такъ и вы-

ходитъ. Ясность мысли, быстрота схватыванія и пониманія необыкновенныя и поразительныя... Но и тутъ бѣда... Кончились лекціи. Миша идетъ домой... А въ головѣ онъ ясно продолжаетъ слышать лекцію. Рѣзко и отчетливо отчеканиваются мысль за мыслью, положеніе за положеніемъ. Невольно Миша оглядывается назадъ. Не говоритъ-ли кто? Но оказывается, что онъ одинъ, а мысль произносится за мыслью... Бываетъ и такъ, что онъ сразу слышитъ двѣ лекціи. И это такъ ясно и отчетливо, что просто какъ въ аудиторіи... Беретъ Миша тетрадь и хочетъ заглушить дѣлающееся въ головѣ... Начинаетъ читать. И, удивительно, какъ онъ прекрасно все понимаетъ и усвояетъ... Все это такъ просто и понятно, что какъ будто онъ давно это уже зналъ и слышалъ... Этого мало... Кончилъ читать, закрылъ глаза,— а предъ глазами тетрадь съ ея строками, поправками, кляксами, зачеркиваніемъ и т. д. Вотъ онъ ясно переворачиваетъ страницу за страницей и не только читаетъ мысли, видитъ строки и буквы, но различаетъ загибы бумаги и фигурки на поляхъ...

Ну, скажите, развѣ не съ ума сходитъ человѣкъ!.. Развѣ можно покойно существовать при такихъ условіяхъ... Что-же это—болѣзнь?! Слава Богу, у него нѣтъ ни лихорадки, ни кашля, ни болей нигдѣ... Къ доктору... совсѣмъ излишне.

Миша худѣетъ изо-дня въ день. Онъ сталъ не блѣдный, а зеленый. Голова тупая, страшное давленіе въ головѣ, а иногда онъ ясно ощущаетъ, что голова совершенно пуста, пуста, какъ пустой шаръ. Стукни по ней и она зазвенитъ... А вотъ она наполнена чѣмъ-то холоднымъ... холодное, холодное, какъ ледъ... Сонъ... не будемъ говорить о снѣ... Это самая тяжелая каторга. Гораздо лучше было-бы лечь въ гробъ, на вѣчный покой, чѣмъ въ постель, на мученіе и страданіе... Миша отказался и отъ пищи. Аппетита никакого. А то вдругъ является сильный, сильный голодъ,—а чего-бы онъ съѣлъ—и самъ не знаетъ. Въ такія минуты онъ мчится въ кондитерскую. Но всѣ эти пирожки, и слойки, и молоко такъ противны, что не хочется и смотрѣть. Такъ онъ и не найдетъ ничего подходя-

щаго скушать... Въ виду того, что уже въ теченіи двухъ мѣсяцевъ отъ Миши не было никакихъ писемъ, бабушка пріѣхала сама къ нему и свела его къ доктору. Докторъ заявилъ, что это *нейрастенія*. Посовѣтовалъ бросить всѣ занятія, уѣхать въ деревню, гулять, охотиться и развлекаться.

Миша уѣхалъ. У бабушки у него явился сонъ, явился аппетитъ, онъ поправился, успокоился, началъ готовиться къ экзамену и удачно его выдержалъ до каникулъ,—а на каникулахъ онъ еще болѣе укрѣпился.

Правда, его нервность все-таки немного осталась при немъ, но такихъ острыхъ приступовъ съ нимъ не было даже до окончанія курса въ университетѣ. Было то, что онъ быстро утомлялся въ занятіяхъ, былъ очень впечатлителенъ, отъ всякой мелочи вздрагивалъ, часто поддавался чужимъ мнѣніямъ, быстро увлекался новостями и быстро охладѣвалъ, былъ вообще флюгеромъ въ убѣжденіяхъ, былъ суетливъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ,—но все это было относительно вмѣру и впору. Сонъ его также былъ не изъ

блестящихъ,—подъ вліяніямъ всякихъ мелкихъ непріятностей онъ становился тяжелымъ, безпокойнымъ и не освѣжающимъ. Аппетитъ былъ всегда капризный и плохой.

По окончаніи курса въ университетѣ, Миша быстро получилъ мѣсто и. д. судебнаго слѣдователя. Дѣло было новое, чистое и благородное и Миша отдался ему всей душой. Дѣло это было дѣйствительно чистое и благородное, да вести-то его пришлось съ грязью и непорядочностью. День и ночь работалъ Миша, не зная ни отдыха, ни покоя. Ну, и заработался. Черезъ два года онъ былъ уже готовъ. Тупость въ головѣ, неспособность пониманія, безсонница, тяжелыя мысли, тоска, отчаяніе, слабость умственная и физическая, потеря аппетита, отвращеніе къ пищѣ, различныя ощущенія въ головѣ,—по временамъ непрерывное торчаніе свидѣтелей передъ глазами и неумолкающіе ихъ разговоры, преслѣдующіе его днемъ и ночью—все это возобновилось съ прежней силой и осложнилось весьма непріятнымъ для него явленіемъ: ему казалось, что за нимъ кто-то стоитъ. Миша

идетъ,—ему кажется, что и «тотъ» идетъ за нимъ. Оглядывается. Никого нѣтъ. Опять продолжаетъ путь,— и «тотъ» за нимъ идетъ. Опять оглядывается и опять никого нѣтъ... И такъ онъ радъ бывалъ, если кто-нибудь за нимъ дѣйствительно шелъ!,.. Это его облегчало и успокаивало. Сидитъ Миша за столомъ и допрашиваетъ свидѣтелей; а за нимъ опять «тотъ»... И знаетъ онъ, что за нимъ никого нѣтъ,—а все-таки онъ невольно оглядывается и никого не находитъ. Тоже и ночью. Миша въ постели, а около постели стоитъ «онъ»... И боится Миша оглянуться... Ег овсе-таки нѣтъ, хотя онъ и тутъ... Кромѣ того, Миша постоянно испытывалъ ожиданіе: вотъ вотъ съ нимъ что-то случится... И знаетъ онъ, что ничего нѣтъ и не можетъ случиться,—а все-таки это ожиданіе виситъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ. Сознаетъ вполнѣ Миша, что это болѣзнь, а между тѣмъ нѣтъ-нѣтъ, да и поддастся тяготѣющему надъ нимъ ожиданію чего-то неизвѣстнаго,—и загруститъ и затоскуетъ.

На счастье, начальство узнало о болѣзни Миши, дало ему двухмѣ-

сячный отпускъ и повышеніе по должности...

Въ это время Миша успѣлъ влюбиться и жениться. Къ счастью, жена оказалась очень милой, доброй и любящей личностью,—и не безъ средствъ, такъ что мужу не пришлось работать изъ-за куска хлѣба. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ свою служебную дѣятельность и несъ ее вполнѣ честно и добросовѣстно.

Вскорѣ у нихъ родился сынъ, а потомъ и дочь. Дѣтки были довольно здоровенькія и походили на крѣпкую и здоровую мать. Такъ благополучно протекла жизнь въ теченіе пяти лѣтъ. Въ это время случайно жена нашего больного заболѣла тифомъ и Михаилъ Михаиловичъ высидѣлъ у постели жены шесть недѣль.

Такая подвижническая жизнь не могла не отозваться на здоровьи Михаила Михаиловича. Нейрастенія возобновилась во всей своей силѣ. Къ этому присоединилось еще одно осложненіе. До сихъ поръ М. М. не пилъ и не курилъ. Но въ теченіе длинныхъ безсонныхъ ночей у постели жены, онъ началъ курить очень

много и страстно. 6—8 сигаръ и 50—60 папиросъ въ сутки было обычной порціей нашего паціента. Часто онъ докуривался до одуренія и дрожи въ рукахъ и во всемъ тѣлѣ. Явился на сцену и другой ядъ—кофе. Безъ кофе и табаку М. М. чувствовалъ себя слабымъ и безсильнымъ,— только эти два алкалоида поддерживали въ немъ силу, энергію и бодрость. Но, по мѣрѣ употребленія алкалоидовъ, организмъ съ ними свыкался и для пополненія испытываемыхъ имъ дефектовъ, онъ все больше втягивался въ кофе и табакъ.

Случалось, что почему либо нельзя было пить кофе и курить. Истиннымъ мученикомъ чувствовалъ себя М. М. въ это время. Слабость, безсиліе, пустота въ головѣ, апатія, тоска и отчаяніе—наполняли душу М. М. Приносятъ кофе и табакъ и онъ оживаетъ.

Подъ вліяніемъ пережитыхъ тяжкихъ минутъ съ женою и отравленія алкалоидами, нейрастенія М. М. возобновилась во всей своей силѣ и полнотѣ. Но вотъ къ ней присоединилось и новое, ужаснѣйшее явленіе...

Однажды, напившись кофе и выкуривъ сигару, въ благодушномъ настроеніи духа, М. М. выходитъ изъ дому, чтобы отправиться въ судъ—узнать что новаго. Выходитъ на площадь и, о ужасъ, на него напалъ невѣроятный страхъ, ужасъ и тоска, при видѣ открытой площади! Сердце у него страшно забилось, горло сжало, дыханіе сперлось, руки дрожатъ, колѣни подгибаются, тѣло покрыто холоднымъ потомъ...

Господи, что такое!.. Вѣдь пустое,—на площади нѣтъ ничего ни ужаснаго, ни особеннаго,—а между тѣмъ... конецъ моему бытію...

Къ счастью, шелъ кто-то изъ знакомыхъ, увидѣлъ на лицѣ М. М. растерянность, ужасъ, тревогу и отчаяніе и отвезъ благополучно домой. Какъ только ступилъ на улицу съ площади,—такъ все и исчезло. Такое состояніе не могло не поразить М. М. и онъ отправился къ спеціалисту нервныхъ болѣзней. Оказалось, чтъ у М. М. былъ приступъ *агорафобіи* или боязни открытыхъ пространствъ. Болѣзнь эта была проявленіемъ общей нервности, очень сильно и рѣзко выраженной,—поче-

му спеціалистъ посовѣтовалъ: прекратить куренье и тоже оставить на время занятія, предпринять успокаивающее леченіе и отправиться на лѣто въ Кисловодскъ, а на осень въ Ялту. Михаилъ Михаиловичъ все это продѣлалъ и черезъ четыре мѣсяца совершенно оправился.

Черезъ пять мѣсяцевъ у него родился сынъ, у котораго первые годы дѣтства сопровождались эклямптическими судорогами, а впослѣдствіи развилась эпилепсія.

Нервность М. М. однако успокоилась, но не прошла совершенно и еще недавно онъ былъ у меня, жалуясь на приступы агорафобіи, которые повторялись у него уже седьмой разъ. Кромѣ того, его очень безпокоятъ младшіе трое дѣтей (еще сынъ и дочь), которыя проявляютъ плохой сонъ, часто снохожденіе, какіе-то обморочные приступы и удивительно скверный, злой и сварливый характеръ.

Такова жизнь первенца семейства Димидовыхъ, который представилъ собою *наслѣдственнаго нейрастеника* съ переходомъ его болѣзни по временамъ въ приступы *агорафобіи*. Его

дѣти—первые двое остались пока здоровыми, такъ какъ они унаслѣдовали организацію крѣпкой и здоровой матери,—послѣдніе трое представляютъ рѣзкую надорванность: одинъ сынъ эпилептикъ, а что у остальныхъ двухъ будетъ—еще покажетъ будущее: быть можетъ истерія, а быть можетъ и идіотизмъ и нравственное помѣшательство.

Второй членъ семейства былъ Коля. Коля на годъ моложе Миши. Онъ также нервенъ, также малокровенъ, также хилъ. Но это былъ веселый, общительный, бойкій и живой мальчикъ. Пожалуй, онъ былъ живѣй, чѣмъ слѣдуетъ, болтливѣй, чѣмъ слѣдуетъ, и бурнѣй, чѣмъ слѣдуетъ. Учился онъ гораздо бойчѣе Миши и любилъ учиться. Его любимыми предметами были математика и языки. Въ гимназіи онъ отличался бойкостью, сообразительностью и шалостями. Во второмъ классѣ гимназіи, когда ему было 11 лѣтъ, характеръ его рѣзко измѣнился. Коля сталъ угрюмымъ, раздражительнымъ, обидчивымъ, плаксивымъ и сварливымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него начали замѣчать «дурныя манеры»:

*

онъ никакъ не посидитъ покойно и пяти минутъ. То онъ двинетъ плечемъ, то дернетъ ногой, то махнетъ рукой... Такое неприличное поведеніе вызвало наказанія въ гимназіи: выговоры, «на колѣни», «въ уголъ», безъ обѣда и проч. Плохая отмѣтка въ поведеніи влекла за собою наказаніе и отъ учителя-ментора, у котораго онъ состоялъ на попеченіи. Замѣчанія, взысканія и наказанія нисколько не улучшили дѣла, а даже ухудшили. Письмо Коли всегда отличалось чистотой, опрятностью и красотой; теперь оно стало неряшливо: явились какіе-то росчерки, помарки, неровность и кляксы... Новыя взысканія и наказанія,—но Коля являлся упрямо неисправимымъ и закоренѣлымъ нарушителемъ порядка... Но и этого было мало. Онъ началъ дѣлать какія-то гримасы лицомъ: то сразу прищуритъ глазъ, то искривитъ лицо, то передернетъ носомъ,— однимъ словомъ производилъ цѣлый рядъ самыхъ непозволительныхъ гримасъ и тѣлодвиженій. Такое возмутительное поведеніе Демидова повело къ тому, что явился самъ директоръ гимназіи сдѣлать надлежащее

внушеніе. И вотъ, когда вызвали Колю къ отвѣту на середину класса при столь торжественной обстановкѣ, онъ превзошелъ себя въ дерзости: началъ топать ногами, размахивать руками, гримасничать лицомъ, даже показывать языкъ...

— Эге, ге, бѣдный мальчикъ, ты серьезно боленъ, а тебя наказываютъ,— заявилъ ласково директоръ и погладилъ Колю по головѣ. Бѣдный мальчикъ, давно отвыкшій отъ ласки и все время видѣвшій только замѣчанія и наказанія,—разрыдался. Директоръ и здѣсь оказался отцомъ. Поцѣловалъ мальчика, взялъ его за руку, увелъ въ свой кабинетъ и лично успокоилъ его тамъ.

Оказалось у Коли *хорея или пляска Св. Витта*. При этомъ у мальчика измѣнился характеръ, умственныя способности притупились, явилась безсонница, потеря аппетита и цѣлый рядъ мускульныхъ подергиваній. Подергиванія наблюдались въ лицѣ, рукахъ, ногахъ, языкѣ, глазахъ, туловищѣ и головѣ. Эти подергиванія совершались то во время произвольныхъ движеній: во время рѣчи, при письмѣ, при ходьбѣ,—

то и въ полномъ покоѣ. Чаще и рѣзче эти судороги проявляются въ лицѣ и рукахъ. Больной вдругъ метнетъ головой, какъ будто его что стѣсняетъ въ области шеи, прищуритъ бровь, скоситъ глаза, откроетъ, закроетъ и перекоситъ ротъ, высунетъ языкъ... Въ это время его руки то отбросятся, то онъ вдругъ взмахнетъ ими вверхъ, или въ сторону, то ихъ сгибаетъ и разгибаетъ, то пальцы сожметъ, то разожметъ, то безъ всякаго повода ударяетъ самъ себя... Ноги тоже передергиваются, иногда настолько сильно, что больной падаетъ съ постели, со стула, а во время ходьбы ноги сразу могутъ подогнуться и больной со всего размаху падаетъ... Рѣчь также часто измѣняется: становится отрывочной, глухой, съ рѣзкими отдѣльными выкрикиваніями, неясной... Всѣ эти движенія совершаются вовсе не непрерывно, а, напротивъ, съ достаточными перерывами и при томъ совершенно безпорядочно: то въ лицѣ, то въ рукѣ, то въ ногѣ и т. д. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ разгарѣ болѣзни каждое подергиваніе падаетъ на минуту.

Въ тяжелыхъ случаяхъ болѣзни больные не могутъ ходить, не могутъ ничего брать руками—все вылетаетъ изъ рукъ, не могутъ говорить.

Колѣ было назначено леченіе и онъ отправленъ былъ въ деревню. Черезъ четыре мѣсяца онъ возвратился въ гимназію и продолжалъ свои занятія.

На слѣдующій годъ таже болѣзнь появилась у него вновь, но была захвачена своевременно и устранена быстро.

Директоръ былъ правъ, уводя Колу изъ класса и отправляя его домой. Это болѣзнь заразительная въ томъ отношеніи, что другія дѣти *путемъ подражанія* могутъ заболѣвать тою-же болѣзнью и такимъ образомъ можетъ развиться эпидемія пляски Св. Витта, т. е. заболѣваніе очень многихъ дѣтей того-же заведенія, что неоднократно наблюдалось какъ въ заграничныхъ заведеніяхъ, такъ и въ русскихъ.

Гимназію Коля окончилъ блестяще и поступилъ въ университетъ по естественному факультету. Смерть отца и потеря состоянія на немъ почти не отразилась.

По окончаніи курса въ университетѣ онъ получилъ мѣсто учителя гимназіи и посвятилъ себя всецѣло педагогической дѣятельности. Вскорѣ онъ женился на очень красивой дѣвушкѣ, но безъ всякихъ средствъ, за то съ большими претензіями и затѣями. Скоро его жизнь превратилась въ адъ: каторжный трудъ на пропитаніе, наряды жены, ея прихоти и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное пиленіе мужа и свободное обращеніе съ знакомыми и незнакомыми мужчинами.

Николай Михайловичъ имѣлъ привычку ежедневно передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ пить рюмку водки. Приэтомъ онъ испытывалъ прекрасный аппетитъ, хорошее настроеніе духа, бодрость и энергію. Такъ длилось долго. Попробуй онъ не выпить положенной рюмки водки, и онъ является инымъ человѣкомъ: аппетитъ плохой, ѣстъ мало, настроеніе духа подлое,—онъ не въ духѣ. Его духъ теперь связанъ съ спиртнымъ духомъ. Его хорошее настроеніе, довольство и энергія живутъ въ алкоголѣ. Такимъ образомъ, въ силу привычки, въ силу повтор-

ности ощущеній, алкоголь сталъ для этого человѣка частицею его существа, безъ котораго онъ уже не цѣльный человѣкъ. Это пьяница? Нѣтъ. Почему? Потому что онъ еще не безобразничаетъ. Но по существу это уже человѣкъ подорванный. Онъ не можетъ уже существовать безъ частицы алкоголя... Время шло. Жизнь Н. М. была не сладка и не гладка. Шипы и терніи устилали его путь. Разъ Николай Михайловичъ пришелъ къ завтраку усталый, разбитый, огорченный. Выпилъ положенную рюмку и остался въ томъ-же видѣ. Ѣстъ безъ аппетита, машинально. Выпилъ другую... полегчало. Стало лучше и все пошло на ладъ. Теперь онъ пилъ ежедневно передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ по двѣ рюмки водки и чувствовалъ себя опять отлично. Прежнее довольство, энергія и жизнь возвратились... Что значитъ еще рюмочка.

Къ несчастію, дефектъ его существа увеличивался, по мѣрѣ этого, для цѣльности и уравновѣшиванія существованія требовалось постепенное добавленіе къ искусственному

плюсу и онъ добавлялъ его. Скоро и эти двѣ положенныя рюмки пріѣлись ему и стали недостаточны. Для прежняго довольства, душевной полноты, бодрости, живости и энергіи пришлось добавлять третью, четвертую, пятую и т. д. рюмочки... И Николай Михайловичъ сталъ пьяницею. Этотъ человѣкъ, ровный, энергичный, работающій равномѣрно изо дня въ день и обладающій сильнымъ характеромъ, пригрѣвъ змѣю сознательно, безсознательно палъ ея жертвою... Бывши прежде относительно здоровымъ, онъ сталъ теперь пьяницею,.. Басня учитъ, что и обычная, общепринятая рюмка водки, при неблагопріятныхъ жизненныхъ условіхъ, можетъ стать источникомъ гибели и повести къ пьянству. Такимъ сдѣлался Николай Михайловичъ,—такими дѣлаются и тысячи другихъ людей... Пьютъ-ли они съ горя!.. Нѣтъ, въ большинствѣ случаевъ «для подкрѣпленія силъ», не понимая того, что это подкрѣпленіе ведетъ къ вящшему ослабленію, голоду алкоголя, стремленію потушить и анестезировать это чувство, жаждѣ повторить испытан-

ное чувство довольства, увеличенію пріемовъ алкоголя... и обычному пьянству. Одни пьютъ горькую, другіе—красное вино, третьи ромъ, ликеры и т. д.,—не все-ли равно?.. Николай Михайловичъ сдѣлался пьяницею и умеръ отъ апоплексіи, не оставивъ дѣтей.

Оля была четвертымъ ребенкомъ Демидовыхъ. Какъ всѣ дѣти этой семьи, Оля была также и худенькой, и нервной и малокровной. Частыя ночи безъ сна, съ неопредѣленными испугами, капризы, судороги во время прорѣзыванія зубовъ, раздражительность и слезливость. Корь и скарлатина сдѣлали ее необыкновенно пугливой, раздражительной и нервной. Ей было 10 лѣтъ, когда ее вмѣстѣ съ отцомъ понесли лошади. И отецъ и Оля благополучно выпали изъ экипажа, но перепугъ былъ порядочный. Въ тотъ день все прошло благополучно. Но на другой день къ полудню, безъ всякаго повода, у Оли вдругъ приключился судорожный припадокъ.

Оля стояла у окна. Вдругъ она издаетъ дикій, пронзительный крикъ и быстро, какъ будто брошенная

постороннею силою, низвергается спиной на полъ. Тѣло вытянулось и оцѣпенѣло. Руки и ноги вытянуты и какъ желѣзныя. Кисти рукъ сомкнуты въ кулакъ. Лицо блѣдное. Дыханіе рѣдкое, громкое и тяжелое, въ видѣ храпа. Лицо напряженное, глаза скошены и подведены подъ лобъ. Зубы стиснуты и оттуда по временамъ рѣдкимъ дыханіемъ выталкивается кровянистая пѣна. Оля представляется въ видѣ окоченѣлаго трупа. Взбрызгиванія холодной водой, нашатырный спиртъ, уколы иглой —безъ всякаго вліянія. Она безъ чувствъ и безъ сознанія. Такъ длится двѣ-три минуты, но онѣ всѣмъ кажутся вѣчностью. Лицо становится синеватымъ, въ тѣлѣ замѣчаются вздрагиванія. Тетаническое окоченение постепенно начинаетъ смѣняться прерывистыми судорогами. Вотъ появляется судорожное подергиваніе въ лѣвой половинѣ лица... въ лѣвой рукѣ... въ лѣвой ногѣ... переходитъ на правую сторону, охватываетъ все тѣло... Все тѣло изгибается, сотрясается и подбрасывается въ судорогахъ... Лицо теперь красное. Дыханіе учащенное; пульсъ тоже очень

частый... И эти судороги длятся 3—4 минуты,—но онѣ тоже кажутся родителямъ вѣчностью. Но вотъ онѣ стихаютъ. Дыханіе замедляется. Лицо блѣднѣетъ. Слѣдуетъ тяжелый вздохъ. Конечности опадаютъ и тѣло представляетъ безсильный, разслабленный трупъ,—безъ чувства и сознанія. Мало-помалу безсознательное состояніе переходитъ въ сонъ. Все прибирается,—всѣ убираются. При Олѣ остается только мать. Проходитъ полчаса. Оля просыпается.

— Что со мною? Я въ постели .. голова тяжела... все болитъ... развѣ я заболѣла?..

— Нѣтъ, дитя мое, у тебя закружилась голова и тебя уложили въ постель, отвѣчаетъ мать.

Оля ничего не помнитъ, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ изъ того, что съ нею было, хотя теперь совершенно въ здравомъ умѣ.

Зовутъ медика. Осмотрѣлъ, выслушалъ, выстукалъ,—и ничего не нашелъ.

— О, это ничего! Это малокровіе и испугъ... Да кромѣ того, вѣдь вы знаете, приближается такой періодъ... Достигнетъ полнаго развитія и все

пройдетъ. Кормите ее мясомъ побольше, давайте ей вина,—и все пойдетъ какъ нельзя лучше.

Кормятъ Олю едва-ли не сырыми бифштексами, поятъ ее дорогимъ венгерскимъ виномъ,—а черезъ мѣсяцъ опять такой-же приступъ. И опять Оля поражена, что она въ постели, съ тяжестью въ головѣ и общей разбитостью. Теперь она помнитъ одно: предъ ея глазами явился странный огонь, она вскрикнула и потеряла сознаніе...

Опять докторъ и опять завѣреніе, что «это ничего»,—съ извѣстнымъ періодомъ пройдетъ. Дѣйствительно, шесть мѣсяцевъ не было ничего, а потомъ опять приступъ и жестокій приступъ, причемъ Оля разбила себѣ лицо... Затѣмъ годъ не было ничего. Наступило 12 лѣтъ, — наступилъ «извѣстный періодъ»,—а приступы не только не прекратились, а участились. Теперь только та разница настала, что не каждый приступъ сопровождается судорогами. Иногда бываетъ такъ: упадетъ Оля и лежитъ, какъ пластъ 1/2 минуты—минуту, а затѣмъ встряхнется, встанетъ и опять продолжаетъ разго-

воръ, или работу. Теперь у нея по временамъ бываютъ головныя боли, головокруженія и кровотеченія изъ носа.

— Докторъ, ради Бога, скажите, не падучая это—не эпилепсія?

— Что вы, что вы,—Господь съ вами... Это простые обмороки... Дѣвочка малокровная, потеря крови велика,—вотъ и обмороки... Кормите лучше, давайте больше мяса, давайте крѣпкаго вина и, Богъ дастъ, все пройдетъ... Да ищите жениха...

И кормятъ Олю, кормятъ на убой, поятъ уже не венгерскимъ, а портвейномъ и мадерой; а она все-таки заморышемъ выглядитъ. Вмѣстѣ съ этимъ она стала страшно зла, раздражительна, самолюбива, завистлива и вспыльчива. Ея вспыльчивость не знала предѣла. Въ минуту злости и вспыльчивости она не пощадитъ ни отца, ни матери,—и будь тутъножъ, она и ножемъ пырнетъ...

Спустя однако годъ припадки стихли,—появлялись не болѣе раза въ годъ. Но характеръ былъ отчаянный. На бѣду она была очень красива и ея красота развивалась съ каждымъ днемъ. Еще дѣвочка, она

имѣла уже массу обожателей и издѣвалась надъ ними, какъ злой волченокъ.

Блестящая красавица, богатая и съ хорошимъ положеніемъ невѣста, Оля не засидѣлась въ дѣвицахъ. 18 л. она вышла замужъ по увлеченію за красиваго улана. Скоро Господь благословилъ ихъ и наслѣдникомъ. Но припадки не прекращались. Почти регулярно они теперь являлись разъ въ мѣсяцъ. Теперь докторъ долженъ былъ сознаться, что дѣйствительно у Оли *падучая или эпилепсія* и притомъ въ двухъ формахъ: въ формѣ большой или судорожной эпилепсіи и въ формѣ малой или обморочной эпилепсіи. Сознался онъ теперь и въ томъ, что «извѣстный періодъ» не избавляетъ дѣтей отъ эпилепсіи,—неизбавляетъ отъ нея и замужество. Напротивъ, въ данномъ случаѣ и то и другое только усилило эпилепсію.

Ольга Михайловна прожила въ супружествѣ двадцать лѣтъ и эти двадцать лѣтъ были для ея супруга добровольной каторгой. Къ счастію, всѣ ихъ дѣти умирали въ дѣтствѣ отъ воспаленія мозга и они не оставили послѣ себя потомства.

Надя была самая младшая дочь. Почему-то она вышла крѣпче и здоровѣе всѣхъ своихъ братьевъ и сестры. Правда, и она не отличалась деревенскимъ здоровьемъ, но все-таки была крѣпенькая и розовая дѣвочка. Въ маломъ дѣтствѣ и она не избѣгла младенческаго во время прорѣзыванія зубовъ, — но оно у нея было очень рѣдко и слабо выражено. И она по ночамъ часто кричала и вздрагивала, — но опять таки значительно слабѣе остальныхъ членовъ семейства. За то она была необыкновенно капризна, — капризна и къ доброму и къ дурному. То она отдаетъ всѣ свои лакомства и игрушки своимъ деревенскимъ сверстникамъ, то она ихъ безъ всякаго повода гонитъ и бьетъ. То она часто плачетъ безъ того, чтобы ее кто обидѣлъ, — а другой разъ кто нечаянно хватитъ ее и порядочно, а она, какъ безчувственная, ни слезинки. Часто она вздрагивала. Она была необыкновенно красивымъ ребенкомъ и такою-же дѣвушкою. Ея красота выражалась не только въ чертахъ лица, глазахъ и проч., но особенно въ необыкновенно красивомъ розовомъ

цвѣтѣ лица. Надя нерѣдко служила омраченіемъ очень многихъ минутъ жизни Оли ея цвѣтомъ лица, хотя и Оля была красавица. Замѣчательнѣй всей то, что аппетитъ у Нади былъ необыкновенно причудливый: всѣ дѣти запихались мясомъ, молокомъ и проч., а она наслаждалась солеными огурцами, сырой капустой и прочей мерзостью, на которую остальныя дѣти не хотѣли и смотрѣть,—а между тѣмъ она была на зависть блестящаго здоровья на видъ.

Въ 12 лѣтъ у нея явились *приступы истерики:* подкатится шаръ къ горлу, сожметъ горло, начинается хохотъ, являются судороги въ тѣлѣ и все оканчивается слезами. Но чтобы при этомъ терялось сознаніе,—Боже сохрани. Всѣ эти приступы возникали изъ ничего. То ее не пустятъ верхомъ кататься, то ей откажутъ въ какомъ-нибудь пустякѣ, то ее обидитъ кто-нибудь изъ обожателей... Но она почти всегда знала, когда у нея будетъ приступъ, ибо уже за нѣсколько минутъ передъ этимъ ее начинало жечь, какъ раскаленнымъ желѣзомъ, между лопатками въ спинѣ,—и это значитъ ужъ навѣрняка будетъ приступъ.

Въ 14 лѣтъ съ Надей было странное приключеніе. Послѣ маленькаго испуга, у нея вдругъ отняло ноги. Она ими чувствуетъ, но совершенно не можетъ двигать. Лечили ее, лечили, — все безполезно. Доставили ее въ Харьковъ къ спеціалисту и тамъ произошло чудо. Привезли ее къ доктору. Онъ разспросилъ, осмотрѣлъ, а затѣмъ вдругъ рѣзко и сурово приказалъ: встаньте,—и Надя встала. Пройдитесь,—и Надя прошлась по кабинету. Съ тѣхъ поръ ея ноги возвратились.

Привезли Надю домой здоровенькой, но только ей это не особенно было по душѣ. Она ужасно любила, чтобы ею занимались, о ней говорили,—быть предметомъ вниманія и обожанія, а тутъ поговорили, поговорили и забыли. Мѣсяца черезъ три Надя перестала ѣсть. Такъ-таки ничего не ѣла и баста. А между тѣмъ была совершенно здорова, румяная и веселая. Заподозрѣли обманъ. Учинили строжайшій надзоръ. Папа, мама и особенно Оля не давали Надѣ шагу ступить безъ наблюденія за нею. Смотрѣли, смотрѣли и дѣйствительно должны были сознаться, что

*

уже двѣ недѣли Надя ни крошки не ѣстъ ничего. Родители страшно испугались. Опять въ Харьковъ. Докторъ говоритъ:

— Оставьте вы мнѣ вашу дочь мѣсяца на три, при условіи, чтобы никто изъ родныхъ ее не навѣщалъ,— и она совершенно будетъ здорова; иначе въ будущемъ вамъ придется съ нею имѣть много горя.

— Какъ оставить нѣжную больную дѣвочку безъ ласки и надзора... Да и кто помимо матери будетъ такъ ходить за нею...

— Ваше дѣло. И на этотъ разъ она будетъ здорова,—но скоро вновь заболѣетъ и тогда хуже будетъ.

Надя, дѣйствительно, скоро выздоровѣла, а черезъ два мѣсяца сразу ослѣпла на оба глаза. Глаза прошли. Надя стала безъ голоса. Мука родителямъ. А Надя довольна. Она героиня. О ней всѣ говорятъ, пріѣзжаютъ смотрѣть на нее. Ей скучно, если у нея нѣтъ ничего особеннаго. Она даже не прочь что-нибудь выдумать на себя. Нужно замѣтить, что еще съ дѣтства Надя была лгунья, —лгунья, безъ всякой цѣли и безъ всякаго смысла,—просто изъ любви

къ искусству. Будучи еще ребенкомъ, она вдругъ бѣжитъ и кричитъ: «папа, мама, Николай Николаевичъ пріѣхалъ, идите въ гостиную».

Отправляются въ гостиную и— никого нѣтъ.

Другой разъ летитъ Надя и плачетъ горькими слезами. Ее Миша побилъ. Зовутъ Мишу. Наводятъ слѣдствіе... Оказывается, Миша ее и не видѣлъ. Еще хуже бывало, когда она потихоньку жаловалась гостямъ, что ее родители бьютъ, что ей не даютъ ѣсть, что ей не мѣняютъ недѣлями бѣлья и т. д. и т. д. Зачѣмъ и почему она это дѣлала? Ей было пріятно, чтобы ею интересовались, съ ней говорили, ее жалѣли и ласкали,—и для этого она не щадила никого и ничего.

Вотъ и теперь ей тошно бываетъ, когда у нея нѣтъ никакой болѣзни. И вотъ она начинаетъ выдумывать разныя небылицы. То она сегодня видѣла ужасное видѣніе. То у нея въ животѣ завелись какіе-то звѣри... то у нея въ головѣ все перевернулось. Если все это не имѣло эффекта, то она не задумывалась и передъ

отравою. То она приметъ спички, то она выпьетъ карболовую кислоту... Разумѣется, выпьетъ она двѣ-три спичечныхъ головки и одну каплю карболовой кислоты, и проблаговѣститъ объ этомъ на весь міръ...

Характеръ Нади былъ отчаянный, въ полномъ смыслѣ слова *истерическій характеръ*—ежедневно, ежечасно, ежеминутно она переходила съ невообразимой быстротой отъ радости къ печали, отъ смѣха къ плачу; совершенно своенравная, она бывала то безконечно болтлива, то становилась мрачною и погружалась въ молчаніе и состояніе умственнаго оцѣпенѣнія. Въ это время ею овладѣвало смутное и необъяснимое чувство печали, сопровождаемое ощущеніемъ сжатія въ горлѣ. Часто она принималась громко рыдать или же плачетъ потихоньку въ уединеніи, которое ей необходимо,—но всегда это дѣлаетъ такъ, чтобы всѣ объ этомъ узнали... Никто впрочемъ не плачетъ съ такою легкостью, какъ истеричныя, — словно у нихъ есть ключъ къ источнику слезъ, который онѣ не умѣютъ во-время запереть. Сказать о Надѣ, что она плакала

отъ всякаго ничтожнаго повода было-бы несправедливо, такъ какъ она плакала и безъ всякаго повода... Но этотъ плачъ сплошь и рядомъ смѣнялся у нея бурнымъ весельемъ и раскатистымъ смѣхомъ. Ничего она не умѣла дѣлать въ мѣру, все это у нея выходило черезъ мѣру. Вообще измѣнчивость въ характерѣ Нади была отличительной чертою: вчера она была мила, любезна и внимательна,—сегодня раздражительна, угрюма, недоступна, груба, дуется изъ-за пустяковъ, капризничаетъ и жалуется на судьбу: ничто ее не интересуетъ, все ей надоѣло. Сегодня она проявляетъ отчаянную антипатію къ человѣку, котораго еще вчера удостоивала вниманія, расположенія и любви, — теперь же эта любовь неожиданно перенесена на другого. При этомъ она начинаетъ преслѣдовать нѣкоторыхъ людей съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ сильнѣе любила этого человѣка.

Замѣчательна еще одна особенность характера Нади: иногда пустякъ, ничтожное обстоятельство могутъ ее страшно взволновать и довести до истерики, тогда какъ обсто-

ятельство важное, смерть дорогого лица и проч., проходятъ для нея совершенно безслѣдно и она остается къ нимъ безучастною и равнодушною. Точно также безпричинно она способна переходить отъ доброты къ жестокости и отъ кротости къ гнѣву.

Эта неустойчивость характера сопровождалась и неустойчивостью ума. Надя не могла долго останавливаться на одномъ какомъ-нибудь предметѣ и непрестанно перескакивала отъ книги къ книгѣ и отъ занятія къ занятію.

Самолюбіе Нади не знало предѣловъ. Самая ничтожная шутка способна была причинить ей жестокую обиду, негодованіе и нескончаемыя слезы. Все у нея превращается въ драму и принимаетъ театральный характеръ. Простая обыденная жизнь съ ея заурядньмъ теченіемъ превращается ею въ цѣлый рядъ важныхъ событій, полныхъ драматизма. Она безпрерывно и съ одинаковымъ успѣхомъ играетъ въ жизни и комедію, и трагедію на почвѣ обыденной дѣйствительности. Она непонимаетъ простоты. Страсть, ревность, гнѣвъ, любовь,—все у нея преуве-

лично, все выходитъ изъ ряда обычнаго, умѣреннаго проявленія чувства. Она не знаетъ, что значитъ господствовать надъ страстями и потому сама является игрушкою страстей. Владѣть собою, знать, что одно можно сказать, а о другомъ лучше умолчать,—что есть возвышенныя чувства и низменныя страсти и что, отдаваясь влеченію первыхъ, необходимо подавлять вторыя,—все это ей недоступно. Если ею овладѣваетъ гнѣвъ или ревность, — тѣмъ хуже: она безъ удержу отдается этимъ чувствамъ; если ею овладѣетъ чувство милосердія или покорности, — тѣмъ лучше: она безгранично становится доброю и послушною. Достаточно только подумать, чтобы сказать кому либо непріятность, или дерзость, —и то и другое тотчасъ-же срывается съ языка.

Никогда нельзя было положиться на чувства Нади. Всякое предвидѣніе было-бы въ этомъ случаѣ напрасно, такъ какъ въ каждый данный моментъ можетъ оказаться столько же причинъ для хорошаго расположенія духа, какъ и для совершенно противуположнаго. Докторъ

всегда долженъ былъ имѣть въ виду ея лживость и склонность къ надувательству, такъ какъ ей доставляло истинное удовольствіе вводить всѣхъ въ обманъ. Она пересказывала небылицы, нисколько не смущаясь ихъ неправдоподобностью, хвалилась тѣмъ, чего никогда не дѣлала и не могла дѣлать, приплетая цѣлую вереницу ложныхъ подробностей. Ея умъ, блестящій, память вѣрная, воображеніе необыкновенно живое и только отсутствуетъ у нея способность воли обуздывать страсти.

Надя испытываетъ необыкновенную потребность со всѣми ссориться и дѣлать невыносимою жизнь всѣмъ окружающимъ. У нея нѣтъ никакого собственнаго убѣжденія и она смотритъ на обстоятельства глазами другихъ: кто послѣдній повліялъ на нее, глазами того она и смотритъ на дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ она необыкновенно самолюбива и смотритъ на себя, какъ на человѣка съ умомъ выше другихъ. Относясь къ себѣ съ такимъ преувеличеннымъ самомнѣніемъ, она причину своихъ неудачъ видитъ въ другихъ. Не питая ни къ кому глубокаго чувства, она

обращается къ совершенно незнакомымъ лицамъ съ жалобами на людей близкихъ и дорогихъ, причемъ не стѣсняется въ правдивости для оттѣненія красокъ въ своихъ жалобахъ. Опомнившись, что она сдѣлала глупость, Надя сожалѣла не о томъ, что безъ всякаго повода компрометировала достойное и почтенное лицо, а о томъ, что не нашла себѣ полнаго сочувствія въ лицѣ, коему наносила жалобу. Честность и правдивость ей неизвѣстны.

Такова была Надя. Она была въ полномъ смыслѣ слова вампиромъ, сосавшимъ кровь изъ всѣхъ окружающихъ. Такова она была съ родителями и семьей, такова она была и съ мужемъ, за котораго она, повидимому, вышла по любви.

У ней было шесть дѣтей и всѣ они вышли какія-то неудачныя и въ смыслѣ ихъ способностей, смыслѣ здоровья.

Вотъ четыре члена семейства: старшій сынъ глубокій нейрастеникъ съ переходомъ нейрастеніи едва-ли не въ душевную болѣзнь; второй сынъ хореикъ и затѣмъ привычный пья-

ница;—старшая дочь эпилептичка; младшая истеричная и съ истерическимъ характеромъ. Всѣ они такими остались и до конца жизни. Ихъ отецъ былъ сифилитикъ, окончившій жизнь паралитическимъ слабоуміемъ; мать—женщина здоровая, ставшая истеричною подъ вліяніемъ сильныхъ потерь крови, истощенія и семейныхъ неудачъ.

У насъ остается пятый членъ семейства, третій сынъ, Костя. Онъ тоже заслуживаетъ вниманія къ себѣ.

Костя, пожалуй, былъ слабѣе всѣхъ дѣтей. Родился онъ безъ дыханія и признаковъ жизни и только настойчивое искусственное дыханіе возвратило его къ дѣятельной жизни. Слабый, зеленый, золотушный —онъ былъ истинный заморышъ. Уже въ первые годы онъ былъ злой и каверзный мальчикъ. Поломать чужія игрушки, спрятать ихъ, забросить, выкинуть пакость братьямъ— все это для него составляло истинное удовольствіе. Ночи его проходили не всегда благополучно: часто, въ лунныя ночи, онъ поднимался съ постели и предпринималъ путешествія по дому и саду, пока его не

излавливали, не приводили въ постель. На другой день онъ ничего не помнилъ о своихъ путешествіяхъ. Было у него (лѣтъ 6 и 7) два какихъ-то обморока, но значеніе ихъ не выяснено. Началъ онъ учиться съ полнымъ отвращеніемъ къ ученію. Много, много нужно было усилій, чтобы выучить его читать и писать. Если Миша любилъ исторію и географію, если Коля любилъ ариѳметику и языки, то Костя все равно ненавидѣлъ. Да и трудно ему давалось ученіе. Одно только необыкновенно быстро и безъ всякаго труда воспринималъ онъ — иностранные языки. Онъ выучился говорить по французски и по нѣмецки совершенно шутя. Повезли Костю въ гимназію. Еще при отправленіи его туда, онъ напрямикъ заявилъ, что онъ сбѣжитъ изъ гимназіи. Терпѣть онъ не можетъ учиться. Онъ любитъ степь, лѣсъ, рѣку и будетъ пасти лошадей, а учиться не хочетъ. Все равно въ первый-же урокъ онъ укуситъ учителя. Сказалъ и сдѣлалъ. Первый урокъ былъ чистописанія. Учитель подошелъ къ Костѣ и хотѣлъ ему поправить тетрадь; но

тотъ такъ глытнулъ его за руку, что всѣ зубы такъ и въѣлись въ тѣло... Дѣло было улажено. Неоднократный побѣгъ также не удался. Вздумалъ Костя повѣситься, и тутъ не удалось: сняли съ петли. Пришлось покориться. Не смотря на то, что онъ жилъ на квартирѣ у учителя, что ему давали уроки и другіе учителя, Костя умудрился до четвертаго класса пробыть шесть лѣтъ, на чемъ и закончилъ курсъ. Собственно говоря, онъ выучился читать, писать и усвоилъ четыре правила ариѳметики. Съ удовольствіемъ онъ возвратился домой, исключенный изъ гимназіи за малоуспѣшность и дурное поведеніе, и хотя за это онъ познакомился на конюшнѣ кое съ какими непріятностями,—все-таки былъ счастливъ и доволенъ.

Прикомандировали его къ управляющему, хотя мало было надежды, чтобы изъ него вышло что порядочное. Хилый, худой, слабогрудый, зеленый, малокровный, скрытный, грубый, злой и тупоумный — онъ много-бы лучше сдѣлалъ, если-бы оставилъ сію юдоль плачевную и переселился въ лоно Авраамово. Нужно

сказать, что нѣмецъ-управляющій хотя и очень любилъ свои собственные интересы, однако былъ прекрасный образованный агрономъ. Костя съ любовью сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ поле. Подъ вліяніемъ собственнаго влеченія и постояннаго общенія съ нѣмцемъ-агрономомъ, Костя полюбилъ хозяйство. Онъ пристрастился къ нему и началъ вникать въ сущность дѣла. Вскорѣ увидѣли необыкновенное явленіе: Костя заперся въ комнатѣ и читаетъ книгу. Эта первая книга была по сельскому хозяйству. Въ два года Костя сталъ неузнаваемъ. Выросъ въ косую сажень, окрѣпъ, пополнѣлъ, сдѣлался общительнымъ, добрымъ и снисходительнымъ. Ѣлъ за десятерыхъ и спалъ, какъ убитый. Все хозяйство подъ руководствомъ нѣмца онъ прошелъ и рѣшилъ: нужно ѣхать заграницу учиться хозяйству. Рѣшилъ и сдѣлалъ. Поѣхалъ онъ Германію въ сельско-хозяйственное заведеніе, гдѣ въ качествѣ простого чернорабочаго проработалъ два года. Послѣ этого еще годъ онъ работалъ во Франціи. 21 года здоровый, красивый молодой человѣкъ и образованный агрономъ

возвратился въ домъ отца, но уже не засталъ отца въ живыхъ. По ликвидаціи всѣхъ дѣлъ, на долю Кости пало 100 десятинъ земли. Эти 100 десятинъ составили для него золотое дно. Женившись на бѣдной, но здоровой и полюбившей его дѣвушкѣ, Костя принялся за хозяйство со всѣмъ пыломъ молодой, страстной натуры, правильно направленной на извѣстное дѣло. Черезъ пять лѣтъ у него уже было тысяча десятинъ земли, съ рѣкою, лѣсами и прочими угодьями,—а около него пять крѣпкихъ и здоровыхъ дѣтей. Еще пять лѣтъ и Костя оказался собственникомъ пяти тысячъ десятинъ земли, нѣсколькихъ тысячъ головъ овецъ и рогатаго скота,—у него свои табуны лошадей, вокругъ него крестьяне благоденствуютъ и благословляютъ умнаго барина. Онъ теперь мировой судья, губернскій гласный, попечитель надъ школами. Но всѣми этими его дѣлами орудуютъ не управляющій и письмоводители, а самъ онъ лично. Недавно онъ былъ у меня. Необыкновенно крѣпкаго сложенія, высокій, широкоплечій мужчина, дѣтской доброты и снисхо-

дительности. Пріѣзжалъ онъ совѣтоваться со мною на счетъ своего сына. Одарилъ его Богъ всѣмъ, но не далъ счастья въ дѣтяхъ. Изъ пятерыхъ крѣпкихъ и здоровыхъ дѣтей трое умерли отъ дифтерита, а двое остались въ живыхъ: сынъ и дочь. Дочь еще находится въ институтѣ и что изъ нея выйдетъ—Господь знаетъ; а сынъ уже заставляетъ задуматься.

Отецъ самъ сознается, что проклятье наслѣдственности, миновавъ его, отразилось на его сынѣ. Путемъ раздольной жизни на животворномъ воздухѣ, строгаго воспитанія въ рукахъ крутого и систематичнаго нѣмца, затѣмъ жизни въ здоровой атмосферѣ нѣмецкой земледѣльческой школы,—зачатки нервной наслѣдственности въ немъ были подавлены. Изъ заморыша въ немъ воспитался гигантъ. Но сѣмя болѣзненной наслѣдственности въ немъ тлѣло и вылилось въ его сынѣ, создавъ въ немъ человѣка ограниченнаго и тупоумнаго. Занятый своими земледѣльческими дѣлами и желая дать сыну блестящее образованіе, онъ отдалъ его въ одно изъ привиллеги-

рованныхъ петербургскихъ заведеній съ среднимъ и высшимъ образованіемъ. Теперь онъ окончилъ курсъ и вышелъ въ свѣтъ. Но далеко не тѣмъ человѣкомъ, какъ желалъ-бы видѣть его отецъ. Мы опишемъ его сына словами Scholz'a [1]).

Сынъ Константина Александровича, Вася, юноша 25 лѣтъ. Онъ обладаетъ красивой наружностью, съ открытымъ лицомъ и тонкими чертами, высокъ и строенъ, съ мягкимъ и любезнымъ обращеніемъ. Физически онъ здоровъ. Его сонъ и аппетитъ прекрасны. Что-же касается его умственныхъ силъ, то у него нѣтъ недостатка въ быстромъ пониманіи и правильномъ сужденіи. Къ этому прибавляется живость и подвижность ума (положимъ, доходящая до безпокойства). Съ помощью значительнаго запаса общественнаго образованія и внѣшней ловкости, проявляющейся особенно въ знаніи и способности владѣть иностранными языками, онъ легко можетъ ввести поверхностнаго наблюдателя въ заблуж-

[1]) Scholz, Діэтетика духа, переводъ К. Н. Ковалевской, стр. 82.

деніе и показать ему внѣшность высокоодареннаго ума, имѣющаго самый разнообразный интересъ. Но при болѣе внимательномъ наблюденіи недостатокъ легко открывается. Уму недостаетъ силы и глубины,— верхушки знаній онъ легко схватываетъ, но болѣе глубокія соображенія ему недоступны. Легко схватить идею и прицѣпить къ ней механическимъ образомъ рядъ другихъ представленій,—это онъ можетъ сдѣлать. Но настойчиво прослѣдить ходъ мысли, логически мыслить, вообще сосредоточить свое вниманіе на продолжительное время—на это онъ не способенъ. Такимъ образомъ онъ остается нищимъ нетолько въ основныхъ положительныхъ знаніяхъ,— но и высшая умственная дѣятельность, на сколько она состоитъ въ способности образованія отвлеченныхъ понятій, не доразвита у него. Въ этомъ у него проявляется слабость ума.

Къ этому присоединяется и слабость характера. Нашъ юноша добродушенъ, услужливъ, любезенъ; но ему ничего не стоитъ солгать, или даже обмануть, чтобы избавиться

отъ минутнаго стѣсненія. Ему недостаетъ высшихъ нравственныхъ побужденій. Ему, при всей его внѣшней выправкѣ, не хватаетъ чувства собственнаго достоинства, живого сознанія принадлежности великому общему цѣлому—родинѣ и человѣчеству, которому онъ долженъ посвятить свою дѣятельность. Онъ знаетъ эти высшія нравственныя понятія,—т. е. слышалъ о нихъ, но они не живутъ въ немъ, они остались для него только пустымъ звукомъ. Онъ никогда не обладалъ этими чувствами, а потому въ немъ и нельзя ихъ пробудить. Всякій призывъ къ нимъ, всякое убѣжденіе остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ наилучшемъ случаѣ онъ выслушиваетъ подобныя внушенія, но продолжаетъ поступать все-таки управляемый своими импульсами...

А между тѣмъ господствующимъ въ немъ настроеніемъ является ненормально преувеличенная самомнительность. Въ немъ царитъ переоцѣнка собственныхъ достоинствъ и неспособность сознавать отличіе собственной личности отъ окружающей обстановки. Въ какомъ-бы дур-

номъ положеніи онъ ни находился, онъ быстро забываетъ непріятности самаго недавняго прошлаго и весьма довѣрчиво относится къ будущему. «Я покажу, на что я способенъ, что ни въ комъ не нуждаюсь и стою на собственныхъ ногахъ»... Онъ весьма любитъ хвастать успѣхами и побѣдами въ дѣлѣ любви и при этомъ не обходится безъ привирительства; рука объ руку съ болѣзненно преувеличенной самооцѣнкой является извѣстная обидчивость. У него является подозрѣніе, даже увѣренность въ въ томъ, что онъ недостаточно другими оцѣненъ и не признается тѣмъ, что онъ, по его мнѣнію, есть. Каждое противорѣчіе вызываетъ неудовольствіе и дурное настроеніе...

Его общая умственная слабость подтверждается его жизненными привычками и свойствами жизненныхъ интересовъ. Онъ предпочтительно посѣщаетъ военный концертъ, оперетку, циркъ или скачки,—все зрѣлища, способныя удовлетворить только поверхностную потребность развлеченія,—или отправляется стрѣлять голубей. Онъ бы не дѣлалъ этого, если-бы могъ понять, что это дурно.

Осмысленно любоваться серьезнымъ произведеніемъ искусства или сочиненіемъ, углубляться въ научный вопросъ изъ любви къ знанію—на все это онъ неспособенъ. Если онъ когда-либо умственно работалъ, то только къ экзамену, да и то не слишкомъ много...

Таковъ потомокъ родителя, побѣдившаго въ себѣ болѣзненную нервную наслѣдственность самодѣятельностью, но не успѣвшаго уничтожить ее до непередачи потомству.

Я обѣщалъ дать клиническія картины нейрастеніи, хореи, эпилепсіи и истеріи. Я ихъ далъ въ лицахъ, въ видѣ описанія ихъ въ одномъ семействѣ у разныхъ членовъ. Нужно-ли еще, помимо того, перечислять всѣ признаки этихъ болѣзней? Едва-ли. Болѣзни и безъ того достаточно выяснены. Всѣ эти болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ патологической наслѣдственности. Но онѣ могутъ явиться и благопріобрѣтенно, подъ вліяніемъ плохого воспитанія и неблагопріятныхъ жизненныхъ условій. Картина болѣзни будетъ та же

самая,—только механизмъ развитія нѣсколько иной. Я хотѣлъ дать рядъ картинъ вышеописанныхъ болѣзней, развившихся и у не вырождающихся людей, у людей безъ наслѣдственнаго предрасположенія; но, по нѣкоторымъ причинамъ, въ настоящее время должно воздержаться отъ этого. Въ сущности дѣло отъ этого не проиграетъ.

Намъ остается коснуться третьяго отдѣла нашей задачи: что должно сдѣлать общество, чтобы способствовать искорененію этихъ такъ сильно распространяющихся болѣзней.

III. Леченіе современныхъ нервныхъ болѣзней.

Разумѣется, здѣсь мы имѣемъ въ виду говорить о леченіи вышеуказанныхъ нервныхъ болѣзней не лекарствами, не бромомъ, лавровишневой водой и проч., а тѣми пріемами, о которыхъ должны подумать члены нашего общества, дабы предотвратить хотя часть тѣхъ нервныхъ разстройствъ и страданій, которыя такъ распространены среди насъ.

Прежде всего стоитъ такой вопросъ: можно-ли предотвратить и устранить пагубное воздѣйствіе нейро-патологической наслѣдственности? Или иначе: можно-ли видоизмѣнить или устранить тѣ особенности нервной организаціи, которыя унаслѣдуются потомками отъ ихъ предковъ? Видя нерѣдкіе примѣры тому, какъ часто дурное воспитаніе портитъ благіе

задатки, унаслѣдованные потомками отъ ихъ предковъ, мы съ увѣренностью рѣшаемся сказать: да, можно достигнуть и обратныхъ результатовъ, т. е. предотвращенія тѣхъ дурныхъ результатовъ организаціи потомства, которые воспринимаются отъ предковъ. Для этого требуется разумное, правильное и серьезное воспитаніе.

Не мнѣ излагать систему разумнаго, правильнаго воспитанія,—это дѣло педагоговъ. Я же считаю долгомъ намѣтить только тѣ пункты, которые должны быть приняты во вниманіе родителями и воспитателями въ настоящее время по отношенію къ дѣтямъ, наслѣдственно предрасположенныхъ къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ.

Первое и основное правило всего этого дѣла состоитъ въ томъ, что *родители должны сознать всю опасность возможности передачи ими своей ненормальной конституціи, болѣзненнаго расположенія своимъ дѣтямъ и принять предохранительныя противъ этого мѣры.* Для этого они сами должны лечиться. Никогда не должны родители забывать о томъ,

что въ ихъ организмѣ таится ядъ сифилиса, пьянства, морфіоманіи, эпилепсія, душевное разстройство и т. п. и неустанно они должны освѣдомляться у опытныхъ и добросовѣстныхъ медиковъ—въ какой мѣрѣ ихъ внутренній врагъ грозитъ имъ и ихъ потомству.

Второе. Разъ дѣти появились, то уже съ перваго дня ихъ появленія на свѣтъ родители обязаны посвятить избраннаго ими врача въ тайну семейнаго несчастья, дабы уже съ этого момента предпринять мѣры противодѣйствія унаслѣдованнымъ качествамъ дѣтей. Разумѣется, не послѣднюю роль въ этомъ отношеніи играетъ питаніе дѣтей. Не могу здѣсь не указать на одну уродливость питанія нашихъ дѣтей въ настоящее время. Ихъ запихаютъ мясомъ, часто сырымъ, мясомъ и виномъ. Ихъ хотятъ сдѣлахъ хищниками и кровожадными... Это большая ошибка. Все должно дѣлаться въ мѣру и въ пору. Мясо давать можно, но не преимущественно мясо. Въ равной мѣрѣ должно даваться и молоко, и рыба, и зелень и плоды. Преимущественно мясная діэта не улучшитъ

ни ихъ питанія, ни нервной системы; скорѣе же она портитъ и то и другое. Что-же касается вина, то оно рѣшительно и во всѣхъ случаяхъ должно быть запрещено дѣтямъ. Оно не укрѣпляетъ, а возбуждаетъ только и въ послѣдствіи можетъ дать цѣлый рядъ непріятностей. Scholz [1]) по этому поводу говоритъ слѣдующее: «Его даютъ даже не слабымъ дѣтямъ, по привычкѣ «для укрѣпленія», и не думаютъ о томъ, что имъ такимъ образомъ въ дѣтскомъ возрастѣ прививаютъ душено-тѣлесную потребность, уловлетвореніе которой способно не только задержать нормальное развитіе мозга, но можетъ въ зрѣломъ возрастѣ вызвать страсть къ пьянству».

Всѣхъ такихъ дѣтей въ первыя 5—6 лѣтъ ихъ жизни слѣдовало-бы содержать въ деревнѣ. Въ городѣ нѣтъ свѣта, нѣтъ воздуха, нѣтъ простора, нѣтъ свободы, за то въ городѣ масса шума, суеты, нездоровой жизненной обстановки, въ силу чего нервная система дѣтей, не укрѣпляется, а еще больше разстраивается.

---

[1]) *Scholz*, Діэтетика духа, стр. 143.

Въ дальнѣйшемъ возрастѣ слѣдуетъ уравновѣшивать воспитаніе тѣлесное и душевное, не давая перевѣса одному передъ другимъ.

Жизнь въ тиши деревни, среди природы, при правильномъ и здоровомъ питаніи, при соотвѣтствующемъ леченіи, въ значительной мѣрѣ уравновѣситъ организмъ и подготовитъ его къ воспріятію правильнаго воспитанія и образованія.

Желаете правильно въ нравственномъ отношеніи воспитать дѣтей— будьте имъ примѣромъ во всемъ.

«Чтобы воспитать нашихъ дѣтей, говоритъ Scholz [1]), мы сами должны давать примѣръ любви, доброжелательства, уживчивости, обязательности и точнаго исполненія своего долга, если желаемъ пріобрѣсти и сохранить какое-либо вліяніе на нашихъ дѣтей...»

Приступая къ воспитанію дѣтей, мы должны проявлять доброту, сердечность, искренность и правдивость, если мы желаемъ, чтобы эти качества укрѣпились и въ нашихъ дѣтяхъ и чтобы дѣти сохранили уваженіе къ намъ.

---

1) *Scholz*, l. c., p. 160.

Разумѣется, дѣло не обходится безъ замѣчаній, взысканій и даже наказаній, но при этомъ требуется отъ насъ послѣдовательность, выдержанность и согласіе слова съ дѣломъ. Опять таки нашъ примѣръ въ этихъ качествахъ можетъ породить и развить таковыя же и въ дѣтяхъ. Порывистость, страстность и аффективность въ такой же мѣрѣ, если не въ квадратѣ, отразятся и на дѣтяхъ.

При выборѣ спеціальнаго образованія и рода дѣятельности наслѣдственникамъ мы не можемъ не посовѣтовать имъ дѣятельности, связанной болѣе съ движеніями и занятіями на воздухѣ, чѣмъ сидячую кабинетную жизнь. Въ этомъ отношеніи предпочтительно можно совѣтовать занятія техническія, агрономическія, инженерныя и даже въ морскомъ и военномъ вѣдомствѣ. Гораздо менѣе удачны въ этомъ отношеніи дѣятельности педагога, юриста, ученаго и даже медика.

Супружество въ настоящее время должно быть очень и очень обдуманно. Не о томъ должны заботиться родители, какое приданое за той или другой невѣстой и какія у нея

связи,—а о томъ, какая у нея родня. Это будетъ гораздо важнѣе и для будущей семьи, и для родителей, и для потомства, и для общества.

Обращаясь къ жизненному строю общества, не можемъ не напомнить о господствующихъ въ немъ болѣзняхъ—сифилисѣ и пьянствѣ. Каждый сифилитикъ, когда-бы ни былъ у него сифилисъ, долженъ объ этомъ вспоминать ежедневно, ложась спать и вставая,—дабы не быть усыпленнымъ. Болѣзнь подкрадывается исподволь и потихоньку, «яко тать въ нощи»,—и плохо будетъ тому, кого болѣзнь застанетъ какъ не «мудрую дѣву» безъ свѣтильника въ рукахъ, ибо часто тогда бываеть поздно и лечиться и заботиться о дѣтяхъ.

Не малое зло и пьянство, хотя, можетъ быть, всуе рекомендовать умѣренность, воздержаніе, ограниченіе и т. д. тѣмъ, кто не понимаетъ этого собственнымъ разумомъ и собственнымъ внутреннимъ инстинктомъ.

Жизнь нашего общества идетъ необыкновенно безсмысленно. Мы живемъ ночью, хотя преспокойно

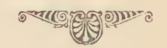
могли-бы жить днемъ. Мы сплошь и рядомъ ѣздимъ, когда могли-бы ходить. Мы ѣдимъ лишнее, пьемъ вредное, дѣлаемъ завѣдомо опасное для здоровья... И все это дѣлается съ благодушіемъ... Для удовольствія, но на болѣзнь!..

Нужно-ли говорить о петербургской жизни?.. Петербургъ—это Содомъ и Гомора. Столица величайшей имперіи, столь-же гибельная, какъ велико государство, ее питающее. Это жизнь огненная, въ которой сгораютъ всѣ соки государства. Туда идутъ деньги изъ государства и не возвращаются. Туда идетъ лучшее пищевое довольство и никого не упитываетъ. Туда идутъ жертвы людскія и не возвращаются. Посмотрите, развѣ Петербургъ живетъ своими силами... Тысячи людей приходятъ въ него изъ Имперіи и служатъ ему съ тѣмъ, чтобы ихъ потомство погибло безвозвратно. Это городъ, построенный на костяхъ и поддерживаемый человѣческими костьми... Посмотрите вы на современныхъ дѣятелей Петербурга! Развѣ это уроженцы Петербурга! Нѣтъ, это пришельцы. Петербурга не было, нѣтъ и не бу-

детъ, потому что всѣ условія его жизни направлены къ вымиранію.

Въ Петербургѣ нѣтъ солнца. Петербургское солнце можно показывать за деньги, какъ рѣдкость. Въ Петербургѣ нѣтъ воздуха. Въ Петербургѣ нѣтъ свѣта, нѣтъ простора, нѣтъ жизни... Есть прозябаніе. Люди превратили день въ ночь и ночь въ день... Въ Петербургѣ много ѣдятъ и еще больше пьютъ. Въ Петербургѣ работаютъ сверхъ силъ, но еще больше болтаютъ. Человѣкъ, живущій петербургской жизнью и дѣлающій пріемы просителей въ 8 ч. утра, долженъ имѣть гигантскія силы ума и тѣла...

При такой жизни неужели можно ожидать здоровья, продолженія рода и укрѣпленія общества?.. Никогда—вырожденіе его удѣлъ.

Первичное помѣшательство (для медиковъ и юристовъ). Ц. 1 р. 50 к.

Михаилъ Поповъ, *Пятигорскъ и его цѣлебные источники.* Въ изящномъ переплетѣ. Ц. 1 р.

Н. И. Мухинъ, Токсическій спастическій параличъ, 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Prof. Ribot, Различныя формы характера, пер. Д. Н. Стефановскаго. Ц. 35 к.

Prof. Meynert, *Клиническія лекціи по психіатріи*, пер К. Н. Ковалевской, подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Prof. Binswanger, Сумашествіе и преступленіе. Пер. А. Н. Герстфельдъ и О. Н. Герстфельдъ, подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго, Ц. 30 к.

Kerr, *Пьянство, его причины, леченіе и судебно-медицинское значеніе.* Пер. К. Н. Ковалевской и М. Е. Ліона, подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго, Ц. 2 р.

Dr Löwenfeld, *Современные способы леченія истеріи и неврастеніи.* Переводъ Н. И. Мухина, подъ редакц. проф. П. И. Ковалевскаго, Ц. 1 р.

Richet, *Истеро-эпилепсія.* Перев. подъ редакціей проф. Ковалевскаго, съ 180 рис. Ц. 5 р.

Dr Cullere, *Границы сумашествія* (Les frontière de la folie). Перев. К. Н. Ковалевской и Е. Н. Герстфельдъ, подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Dr Cullere, *Гигіена нервныхъ людей и нейропатовъ.* Перев. К. Н. Ковалевской, подъ ред. проф. Ковалевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Remak, *Электродіагностика и электротерапія.* Перев. К. Н. Кова-

левской, подъ редакц. проф. П. И. Ковалевскаго. Ц. 1 р.

Scholz, *Діэтетика духа.* Перев. К. Н. Ковалевской и Е. Н. Герстфельдъ, подъ редакц. проф. П. И. Ковалевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Byrom Bramwell, *Болѣзни спинного мозга.* Пер. М. А. Шульгина, подъ редакц. проф. П. И. Ковалевскаго. Ц. 5 р.

Meynert, *Психіатрія.* Перев. М. Е. Ліона, подъ ред. проф. П. И. Ковалевскаго. Ц. 3 р.

Prof. Gowers, *Болѣзни головного мозга.* Перев. А. А. Говсѣева, подъ редакц. проф. П. И. Ковалевскаго Ц. 1 р. 50 к.

Prof. Charcot, *Лекціи по нервнымъ болѣзнямъ.* Переводъ подъ редакціей проф. П. И. Ковалевскаго. Ц. 1 р.

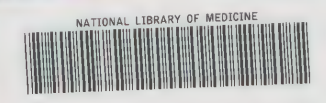
Thudichum, *Физіологическая химія головного мозга.* Перев. М. Е. Ліона Ц. 2 р.

Robert von Pfungen, *О разстройствахъ ассоціацій.* Переводъ М. Е. Ліона. Ц. 1 р.

Dr Pierson, Компендіумъ нервныхъ болѣзней. Переводъ Н. И. Мухина, подъ редакціей проф. П. И. Ковалевскаго. Въ изящномъ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе всѣ эти книги изъ редакціи „Архивъ психіатріи" **за пересылку ничего не платятъ.**

Студенты кромѣ того пользуются уступкою отъ 20 до 50%.

NATIONAL LIBRARY OF MEDICINE
NLM 00559278 6